

Майя Г. Леонард

Фабр

Королева жуков

Фабр

Майя Г. Леонард
Фабр. Королева жуков

«Робинс»

2017

УДК 821.111-312.9-93
ББК 84(4Вел)

Леонард М.

Фабр. Королева жуков / М. Леонард — «Робинс», 2017 — (Фабр)

ISBN 978-5-4366-0455-8

Продолжение бестселлера «Фабр. Восстание жуков», получившего премию детской книги Waterstones и переведённого более чем на 40 языков мира.

Сумасшедшая учёная-генетик Лукреция Каттэр мечтает отомстить за своё поражение. Очередной гениальный план по захвату мира вот-вот воплотится. Даркус, Вирджиния и Бертольд раскрывают тайну злодейки и теперь полны решимости её остановить. Но, похоже, у трёх друзей появилась неожиданная проблема. Отец Даркуса наотрез запретил дальнейшее расследование!

Новак, дочь Лукреции, их последняя надежда. Но отважится ли она открыто выступить против собственной матери, на стороне которой целая армия идеальных солдат-жуков. Осталось ли в Лукреции что-то человеческое или же мутация полностью завершилась? Что задумала эта коварная законодательница мод, и удастся ли друзьям её остановить? В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-312.9-93

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-4366-0455-8

© Леонард М., 2017

© Робинс, 2017

Содержание

1	6
2	12
3	17
4	22
5	25
6	29
7	33
8	39
9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Майя Г. Леонард Фабр

Королева жуков

Оригинальное издание впервые опубликовано на английском языке в 2017 году под названием QUEEN BEETLE издательством The Chicken House, 2 Палмер-стрит, Фрум, Сомерсет, BA11 1DS (2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS).

© М. Г. Леонард, текст, 2017

© Элизабет Портабелла, обложка, 2017

Все имена персонажей и названия мест, используемые в этой книге, защищены авторским правом © М. Г. Леонард и не могут быть использованы без разрешения.

Автор / Иллюстратор доказала свои моральные права.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2017

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

* * *

*Посвящается
Сэму, Себастьяну, Артуру
и памяти Корнелии Старк*

*Мы можем судить о сердце человека, по его отношению к животным.
Иммануил Кант*

1

«Белоснежка»

В дверь тихонько постучали.

– Мадам?

Лукреция Каттэр повернула голову. Странные глаза без век блеснули, словно две чернильные капли. Четыре чёрные хитиновые лапы без особых усилий цеплялись за белый потолок. Фиолетовая юбка свисала вниз свободными складками.

– Да, Жерар? – отозвалась Лукреция.

– Американская актриса Руби Хисоло-младшая приехала на примерку, – доложил через дверь француз-дворецкий.

Ему запрещалось входить в Белую комнату без разрешения.

– Пригласите её сюда.

– Как прикажете, мадам.

Лукреция слушала, как затихают вдаль осторожные шаги дворецкого. Ей нравилось, что те-перь она способна различить малейшее движение в окружающем пространстве. Новое тело и обострённая чуткость подарили ей настоящее могущество. Скорее бы настала та минута, когда она покажет миру себя – настоящую. А эта минута настанет, и очень скоро.

Она вытянула вперёд оставшиеся человеческими руки и переползла с потолка на стену около двери. С ужасающей быстротой достигла пола, поднялась на задние лапы, а среднюю пару спрятала в специальные карманы в подкладке юбки. Застегнула молнии, скрывающие разрезы, взяла со стеклянного столика чёрный парик, валявшийся безжизненной шкуркой, натянула на голову, затем сняла со спинки кресла из прозрачного пластика белый лабораторный халат. Сунула руки в рукава, поправила халат на плечах, из кармана достала огромные тёмные очки и нацепила на нос, пряча за ними фасеточные глаза.

Стремительно развернулась, глянула на себя в зеркало, схватила прислонённую к столу трость чёрного дерева. Трость ей уже не нужна, но, глядя на эту палку, люди верят, что Лукреция попала в аварию. Авария – удобное прикрытие на то время, пока Лукреция Каттэр проходила метаморфоз в камере оукливания.

Она уловила вибрацию от беззвучных шагов: к комнате приближалась личная телохранительница Лукреции.

Лин-Лин была куноити, женщина-ниндзя. Училась она у Тосицугу Такамацу, телохранителя Пу И, последнего китайского императора. Когда-то она была самой молодой прима-балериной нью-йоркского балета, но карьера её закончилась во время спектакля «Лебединое озеро». Когда Лин-Лин в небывалом темпе исполняла легендарные тридцать два фуэте Чёрного лебедя, кости лодыжки не выдержали. Лин-Лин отложила в сторону пуанты и взяла в руки катану. Её фехтовальное мастерство было смертоносно.

Лукреция Каттэр открыла дверь. Лин-Лин терпеливо ждала снаружи, как всегда в чёрном с головы до ног.

– Нашли этих злосчастных жуков?

Лин-Лин покачала головой:

– Крейвен и Данкиш всё ещё ищут.

– Остолопы!.. – буркнула Лукреция. – Отправь их на поиски жёлтых божьих коровок. Пусть прочешут город. Проклятые жуки могут всё погубить. Их надо найти и уничтожить!

Лин-Лин кивнула.

Битва с жуками в магазине товаров для рукоделия стала полной неожиданностью, а Лукреция Каттэр не привыкла проигрывать. Она хотела истребить жуков даже не потому, что

они были свидетельством её тайных исследований по разведению генно-модифицированных насекомых, а потому, что они её прилюдно унизили. Пришлось подкупить много людей, чтобы не угодить в тюрьму и чтобы снимки её новых фасеточных глаз не попали в газеты. Из-за жуков она потеряла время и деньги и теперь не успокоится, пока не сотрёт их в порошок.

– И ещё, Лин-Лин, вдобавок к шпионам отправь ядовитых *кокциnellидов*¹ – жёлтых божьих коровок с одиннадцатью пятнышками. Если кто-нибудь вздумает совать нос в мои дела, пусть сразу же устранят. – Она подняла вверх указательный палец. – Только Бартоломью Катла не трогать! Понятно? Он мой!

Лин-Лин снова кивнула и бесшумно удалилась.

Лукреция Каттэр закрыла дверь. Жаль, конечно, что Бартоломью сбежал, но он вернётся. Не удержится. Лукреция задумалась о беглых жуках, постукивая себя пальцем по губам. К слову сказать, она могла бы порадоваться их способностям, ведь жуки как-никак выведены в её лабораториях!

Она улыбнулась. Кто бы подумал, что, соединив ДНК Бартоломью Катла и ДНК жуков, можно получить такие выдающиеся результаты! Жесткокрылые, обладающие собственным разумом и свободой воли, – такого ещё не бывало! Она никогда ещё не видела, чтобы жуки разных видов объединялись против общего врага. Невероятно захватывающе! К сожалению, инстинкта убийцы им явно не хватает. Лукреция презрительно усмехнулась. Вероятно, мягкосердечие досталось им по наследству от Бартоломью. Её новые жуки выведены с примесью генов немецкой овчарки: легко поддаются дрессировке, способны сражаться и выполнять приказы. Она создала для себя войско послушных рабов, а ничего другого сейчас и не требуется.

Лукреция подошла к зеркалу во всю стену, которое с другой стороны было прозрачным. Вынула из кармана тюбик золотистой губной помады и подкрасила губы. Мальчишку Крипса удавить мало! Выпустил катловских жуков на свободу и тем самым отбросил её исследование на несколько лет назад.

Стук в дверь и знакомое хихиканье с придыханием отвлекли её от этих мыслей.

– Входите! – Лукреция изобразила вежливую улыбку.

Жерар открыл дверь. В комнату, покачиваясь на высоких каблуках, вошла роскошная блондинка в розовом пуловере и белой плиссированной юбке.

– Руби, дорогая, как я рада тебя видеть! – воскликнула Лукреция, делая пару шагов ей навстречу.

Руби Хисоло-младшая отбросила за плечо белокурую волну кудрей и критически осмотрела аскетично обставленную комнату.

– Вау! Кто тебе оформлял интерьер? Нет-нет, не говори! – Она замахала рукой. – Не важно, кто делал, уволь его! Здесь как будто научная лаборатория какая-нибудь. Жуть! – Она скорчила гримаску и ткнула в Лукрецию изящным пальчиком с идеальным маникюром. – Ты уж слишком увлеклась аптечным шиком. Этой комнате необходимо яркое пятно! Вот здесь, здесь и здесь. Абрикосового или персикового цвета не хватает. И побольше подушек. Подушки все любят! Я знаю отличного спеца, могу порекомендовать, если нужно. – Она захихикала. – Ну мы-то с тобой понимаем, что именно нужно, да ещё как!

Лукреция Каттэр молчала, сохраняя на лице вежливую улыбку. Пауза затянулась.

– Я просто хотела помочь... – вздохнула Руби и захлопала ресницами, обернувшись к Жерару. – Умираю от жажды! У вас найдётся шампанское?

Дворецкий подошёл к холодильнику, вмонтированному под лабораторным столом, достал оттуда высокий узкий бокал и тёмно-зелёную бутылку. Откупорил её, налил в бокал шампанское и подал его актрисе.

Лукреция Каттэр хлопнула в ладоши.

¹ *Coccinellidae* (лат.) – божьи коровки.

– Ну что, завоюем все сердца на вручении всемирной кинопремии?

– Конечно! – Руби одним глотком осушила бокал, вернула его дворецкому и вытерла рот рукавом. – А иначе зачем я сюда пришла?

– Хорошо. – Лукреция Каттэр стиснула зубы и напомнила себе, что эта первая примерка для неё очень важна. – Жерар, давайте сюда «Белоснежку».

– Белоснежку? Кто это – Белоснежка? – Руби нахмурилась. – Я думала, сегодня моя примерка! Я же твоих служащих предупредила по телефону! Я – звезда и не позволю...

Тут Жерар вкатил в комнату высокий узкий кофр, с самого дворецкого ростом.

– Я назвала своё творение «Белоснежкой», потому что оно сделано из материала чистойшей белизны, какую только можно найти в природе, – пояснила Лукреция.

Жерар звонко отщёлкнул застёжки и распахнул дверцу кофра. Внутри на золотых плечиках висело шикарное белое платье тончайшей работы. От него по комнате расходилось сияние.

– Боже мой! – ахнула Руби, прижимая к алым губам пальцы с лакированными ногтями. – Это платье сделано из волшебной пылицы!

Она шагнула вперёд и протянула руку, чтобы потрогать ткань.

– На самом деле оно сделано из жуков.

– Что?! – взвизгнула Руби, отдёргивая руку.

– Точнее, из жуков вида *цифохилус*². Они обитают в Азии. Тело этих жуков покрыто тончайшими чешуйками сложной структуры, отражающими и рассеивающими свет. Ни один из производимых людьми материалов не сравнится с ними по белизне.

Руби с ужасом уставилась на платье:

– Значит, оно сделано из каких-то букашек? Они мёртвые, да?

– Для достижения идеально белого цвета нужно, чтобы чешуйки одинаково отражали все цвета спектра, – продолжала Лукреция Каттэр. – В природе это очень редкое явление. Никто не додумался использовать эти идеально белые чешуйки для отделки платья, которое наденут на вручение кинопремии, где будет море света, прожекторов и фотовспышек. Такого просто никто и никогда не делал. – Она посмотрела актрисе в глаза. – Та, кто появится в этом платье, затмит всех! Она будет поистине ослепительной звездой.

Руби снова перевела взгляд на платье.

– Хочешь примерить? – шепнула ей на ухо Лукреция Каттэр. – Я скроила его специально на твою фигуру.

Актриса медленно кивнула:

– Ну-у... ладно.

Лукреция Каттэр подала Жерару знак вынуть платье из кофра и повесить на белую ширму, установленную у противоположной стены.

– Ступай переоденься за ширмой! А Жерар пока выдвинет зеркало.

Руби всё-таки смотрела на платье с опаской.

– Это просто букашки, так?

– Именно. – Лукреция Каттэр кивнула, заставляя себя улыбаться.

Руби нерешительно пересекла комнату и медленно зашла за ширму.

– Просто букашки, – повторила Лукреция.

– Ах!.. – вздохнула Руби, надевая платье через голову. – Ощущение невероятное!

Американка вышла из-за ширмы босиком, в сверкающем платье, и вежливая улыбка Лукреции превратилась в настоящую. Платье было великолепно! Скроено по фасону платья-чарльстон 1920-х, но вместо блёсток или бисера украшено крошечными белыми надкрыльями, сверкающими отражённым светом при каждом движении актрисы.

² *Cyphochilus* (лат.) – белый бриллиантовый жук.

Жерар откинул дверцу кофра и боковые стенки – получилось трёхстворчатое зеркало, позволяющее рассмотреть себя со всех сторон. Руби повернулась спиной, надув губки и разглядывая себя через плечо.

– Да-а!!! – Она подпрыгнула от восторга. – Что-то неземное!

– Блистательная, как богиня! – сделала комплимент Лукреция.

– Ага! Точно, богиня! – Руби подбоченилась и чуть-чуть наклонилась к зеркалу, выставив напоказ пышный бюст. – Я обязательно надену это платье! – Она передёрнула плечами, так что жуки приятно зашелестели. – Больше ни у кого такого не будет!

– Рядом с ним другие платья покажутся грязными тряпками, – сказала Лукреция Каттэр. – А когда ты пойдёшь по красной дорожке и фотографии защёлкают вспышками, чешуйки будут идеально отражать свет и ты засияешь, словно ангел.

– Лишь бы я выглядела лучше, чем Стелла Мэннинг!

Руби изящной походкой манекенщицы прошла до зеркала и обратно.

– Эта старая ведьма – вчерашняя сенсация. В этом году я хочу, чтобы все смотрели только на меня! Не она, а я буду произносить трогательные речи, когда мне вручат золотую статуэтку!

– Обещаю: никто не сможет глаз от тебя отвести! Это платье войдёт в историю. Его запомнят навеки.

– Кто бы подумал, что жуки могут быть такими хорошенькими! – Руби театрально всплеснула руками. – Я просто умру, если это белое чудо достанется не мне!

– Для меня большая честь, что на церемонию награждения его наденет такая выдающаяся актриса, как ты.

– Мой стилист всегда говорил, что ты гений, Летиция...

– Лукреция.

– Угу, Летиция, ну не важно. – Руби всё ещё любовалась своим отражением в зеркале. – А я ей не поверила. Как же я ошибалась!

– Спасибо, милочка ты очень любезна, – еле сдерживаясь, ответила Лукреция. – Но я должна предупредить: если хочешь появиться на церемонии в этом платье, нужно соблюдать кое-какие условия.

– Условия? – Руби нахмурилась. – Что ещё за условия?

– Ты больше не увидишь платья до того дня, на который назначено вручение кинопремии. Утром к тебе приедет моя сотрудница и поможет надеть платье, а затем отвезёт тебя на церемонию. Машина тоже будет моя. Ты можешь заранее сказать журналистам, что появишься в издании фирмы «Каттэр кутюр», но подробно описывать платье нельзя. Это секрет.

– Секрет? – Руби изогнула бровь. – Обожаю секреты! Вот все удивятся, когда я выйду из лимузина прямо на красную дорожку! – Она захлопала в ладоши, а потом протянула руку Лукреции. – Договорились, Лулу!

– Значит, платье твоё. – Лукреция словно не заметила протянутую руку.

– Чудесно!

Руби пожала плечами, ещё разик взглянула на своё отражение и убежала за ширму. Через минуту она передала платье Жерару и вышла из-за ширмы, на ходу натягивая через голову розовый пуловер и обувая белые туфельки на шпильке.

– Приятно иметь с тобой дело, Лулу!

Руби задержалась ещё на минуту, поправляя макияж перед зеркалом.

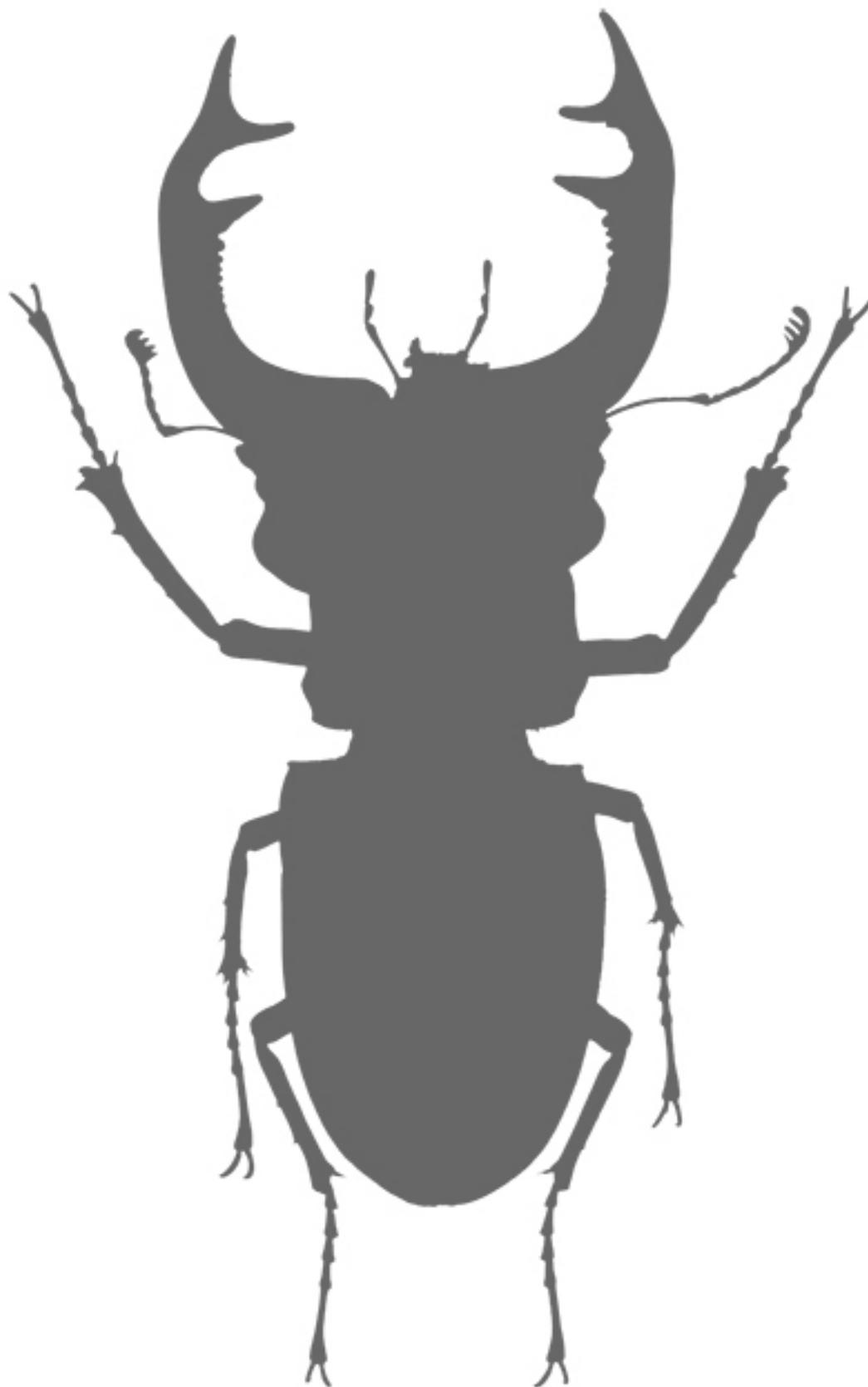
– Ах нет, что ты, это мне приятно, – вежливо ответила Лукреция и указала на дверь. – Жерар тебя проводит.

Когда дверь за ними закрылась, Лукреция Каттэр снова повернулась к «Белоснежке» и залюбовалась своим оригинальным творением. Откинув голову назад, она издала горлом жуткий щёлкающий звук.

Висящее в открытом кофре платье замерцало, затрепетало и вдруг словно взорвалось сверкающим вихрем. Тысячи специально обученных бриллиантовых жуков взмыли в воздух и закружились над головой Лукреции Каттэр, словно комнатный смерч.

Лукреция расхохоталась.

2

«Дедова запеканка»

Доктор Бартоломью Катл аккуратно поставил на дяди-Максов кухонный стол две тарелки с горячей тушёной бараниной, картофельным пюре, нарезанной кубиками морковкой и кучкой зелёного горошка.

– Спасибо, доктор Катл, сэр, – вежливо пискнул Бертольд, поправляя сползающие на кончик носа огромные очки.

– На здоровье, Бертольд! – Бартоломью Катл вытер руки о джинсы и взял ещё две тарелки. – Я не такой уж выдающийся повар, но по крайней мере это готовить умею. Семейный рецепт, передаётся от отца к сыну.

– М-м-м! – Вирджиния Уоллес втянула носом запах еды и схватилась за вилку.

Бертольд тут же шлёпнул её по руке. Вирджиния насупилась, но положила вилку и сложила руки на коленях.

– Продукты используются те же, что для пастушьей запеканки... – Папа поставил полную тарелку перед Даркусом. – Только не запекаются.

Посмеиваясь, он сел за стол рядом с сыном. Даркусу страшно нравилось, как у папиных голубых глаз собираются смешливые морщинки и по ним радость растекается на всё лицо.

– Когда я был маленьким, мне такое готовил мой папа, а теперь я готовлю своему сыну. – Он нежно растрепал Даркусу тёмные волосы. – Твоё любимое, Даркус, да? Он это называет «Дедова запеканка», в честь моего отца.

– Пап! – с укором воскликнул Даркус и сердито сморщился, но в груди у него потеплело и уголки рта дёрнулись в улыбке.

Всего пару недель назад он мечтал, чтобы папа был рядом, шутил и говорил всякие глупости, – и вот папа здесь! Дядя Макс говорил: папа только-только из больницы, нужно его беречь и не давать ему напрягаться, но, к счастью, к папе с каждым днём возвращались силы. Скоро всё станет как раньше и они вернутся домой.

Конечно, Даркус будет очень скучать по Бертольду и Вирджинии. У него никогда ещё не было таких замечательных друзей.

– Ну, набрасывайтесь! – разрешил папа.

– «Дедова запеканка»? – Вирджиния, фыркнув, снова схватила вилку, смешала вместе пюре, горошек, мясо и морковку и набила полный рот, как будто неделю ничего не ела.

– Очень вкусно, доктор Катл, сэр! – сказал Бертольд, ещё не откусив ни кусочка.

– Бертольд, прошу тебя, пожалуйста, не называй меня сэром! Вполне достаточно мистера Катла. А хочешь – зови просто Барти, меня все так зовут.

– Я не могу! – Бертольд чуть не подавился морковкой, и его бледное, как у призрака, лицо порозовело. – Вы же замдиректора по науке в Музее естествознания, и мы...

– Обычно мы вас называем «папа Даркуса», – перебила Вирджиния с полным ртом; щёки у неё стали круглыми, как у хомяка. Она наконец проглотила то, что жевала, чтобы продолжить. – Бертольд только при вас начинает вести себя странно и называть вас «сэр».

Бертольд уставился в тарелку, как будто еда – это сложная головоломка, которую надо решить. Он так покраснел, что сквозь пушистые белокурые волосы просвечивала кожа.

В тот день, когда папа Даркуса вышел из больницы и они впервые встретились с Бертольдом, Бертольд поклонился ему, как джентльмен. Сам Бертольд жил с мамой вдвоём, и Даркус не без основания подозревал, что его застенчивый друг иногда мечтает о таком папе, как у него.

– Вот и отлично, так и называйте! Я горжусь, что я папа Даркуса. – Он вдруг посмотрел на сына очень серьёзно. – В конце концов, Даркус спас мне жизнь.

– Извините! – возмутилась Вирджиния. – Мы тоже ему помогли!

Бартоломью Катл засмеялся:

– Конечно, Вирджиния! Видно, ты не дашь мне об этом забыть!

– Не-а! – Вирджиния так замотала головой, что разноцветные бусины, вплетённые в чёрные косички, громко стукнулись друг о друга.

Вирджиния стала заплетать косички, когда познакомилась с Марвином, жуком-лягушкой. За косички ему было удобнее цепляться.

Какое-то время все молчали, потому что ели. Даркус заметил, что Вирджиния и Бертольд ждут, когда он заговорит.

Пора! Друзья заранее продумали, *что* он должен сказать отцу, и даже отрепетировали, а сейчас вдруг понял, что слова не идут. Он снова набил рот горошком и пюре, не смея поднять глаза, чтобы не увидеть на лице Вирджинии приказ: начинай!

Вирджиния взяла в руки опустевшую тарелку и вылизала подливку. Бертольд громко прищёлкнул языком, укоризненно взглянув на неё.

С первого этажа вдруг донёсся грохот.

– Это профессор! – заметила Вирджиния, с намёком глядя на Даркуса.

Через минуты две распахнулась дверь, и в кухню, сияя улыбкой и радостно здороваясь со всеми, ввалился дядя Макс.

– Если ты голодный, Макс, тут ещё осталась еда, – сказал Барти.

– Отлично!

Дядя Макс подошёл к кухонной плите, весело потирая руки.

– «Дедова запеканка!» – воскликнул он и, взяв из буфета чистую тарелку, вытряхнул туда остатки из всех кастрюль. – Сто лет её не ел!

У Вирджинии вытянулось лицо: она поняла, что добавки не будет.

Дядя Макс придвинул себе стул и снял пробковый шлем.

– Ну что? – Он взял вилку, глядя на Даркуса. – Ты ему уже сказал? – И тут же обернулся к брату: – Потрясающе, правда? Я бы и сам не поверил, если бы не увидел своими глазами!

Барти нахмурился:

– Что увидел?

Дядя Макс поперхнулся. Даркус вдруг понял, что все смотрят на него.

– Даркус! Что такого потрясающего? – растерянно спросил папа.

Ну вот, Даркус долго ждал этой минуты! Почему же теперь боится?

Он встал, скрипнув стулом.

– Я хочу тебе кое-что показать.

Барти посмотрел на дядю Макса. Тот энергично закивал.

– Тебе понравится! – заявил он и снова нахлобучил свой пробковый шлем, набивая рот «Дедовой запеканкой».

– Ну показывай тогда! Я заинтригован.

Вирджиния и Бертольд вскочили, многозначительно переглядываясь. Все вместе они вышли из кухни.

– Нужно будет выйти на улицу. – Даркус оглянулся на папу. – Ещё по приставной лестнице спуститься. Ты уже достаточно окреп?

Барти кивнул:

– С лестницей как-нибудь справлюсь.

– Это большая лестница.

– Даркус, я правда уже выздоровел.

Даркус вывел их из квартиры дяди Макса на улицу. Было чуть больше шести. Уже спустился декабрьский вечер, и на улице зажглись фонари. Прачечная была ещё открыта, и в мага-

зинчике мистера Пателя горел свет, но другие два магазина, «Матушка-земля» и салон тату, стояли тёмные.

Даркус вспомнил то утро, когда они победили Лукрецию Каттэр, и звук выстрела, пробившего ему плечо, когда он оттолкнул отца, сбил его с ног и тем самым спас ему жизнь. Папа больше ничего не помнил о своём спасении. Дядя Макс решил, что, пока он не окрепнет, лучше ему не рассказывать про Жучиную гору в подвале и про то, как жуки участвовали в его спасении.

Оказалось, что этот секрет хранить очень нелегко. Папа всё время спрашивал, как они вытащили его из «Вершин», особняка Лукреции Каттэр, а дядя Макс постукивал себя по носу, подмигивал Даркусу и отвечал:

– Всему своё время, Барти! Нам с Даркусом просто совестно рассказывать: слишком всё это было просто.

Хуже всего, что пришлось прятать Бакстера. Жук-носорог жил пока в подвале, на Чашечной горе. Даркусу ужасно не хотелось расставаться со своим другом. Ему не хватало громадного чёрного жука на плече. Он то и дело начинал о чём-то ему рассказывать, склоняя голову набок, и замолкал на полуслове, вспомнив, что Бакстера нет рядом. Он мечтал о той минуте, когда наконец познакомит папу с Бакстером и расскажет удивительную историю о том, как они с Бертольдом и Вирджинией защитили Чашечную гору и спасли папу от Лукреции Каттэр.

И вот эта минута настала!

Барти остановился за спиной Даркуса, у развалин магазина рукоделия. Дверь в магазин снова навесили, дыру в ней заколотили куском рифлёного железа, разукрашенного граффити. Поперёк двери натянули полицейские жёлтые ленты с грозными надписями:

«ОСТОРОЖНО!»

и

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН!»

ИДЁТ РАССЛЕДОВАНИЕ».

Жёлтый треугольник с восклицательным знаком предупреждал:

«ЗДАНИЕ В АВАРИЙНОМ СОСТОЯНИИ!»

Даркус подошёл к двери и вытащил из-за ворота ключ на шнурке от ботинка.

– Что ты делаешь? – Барти с тревогой оглянулся на брата Макса.

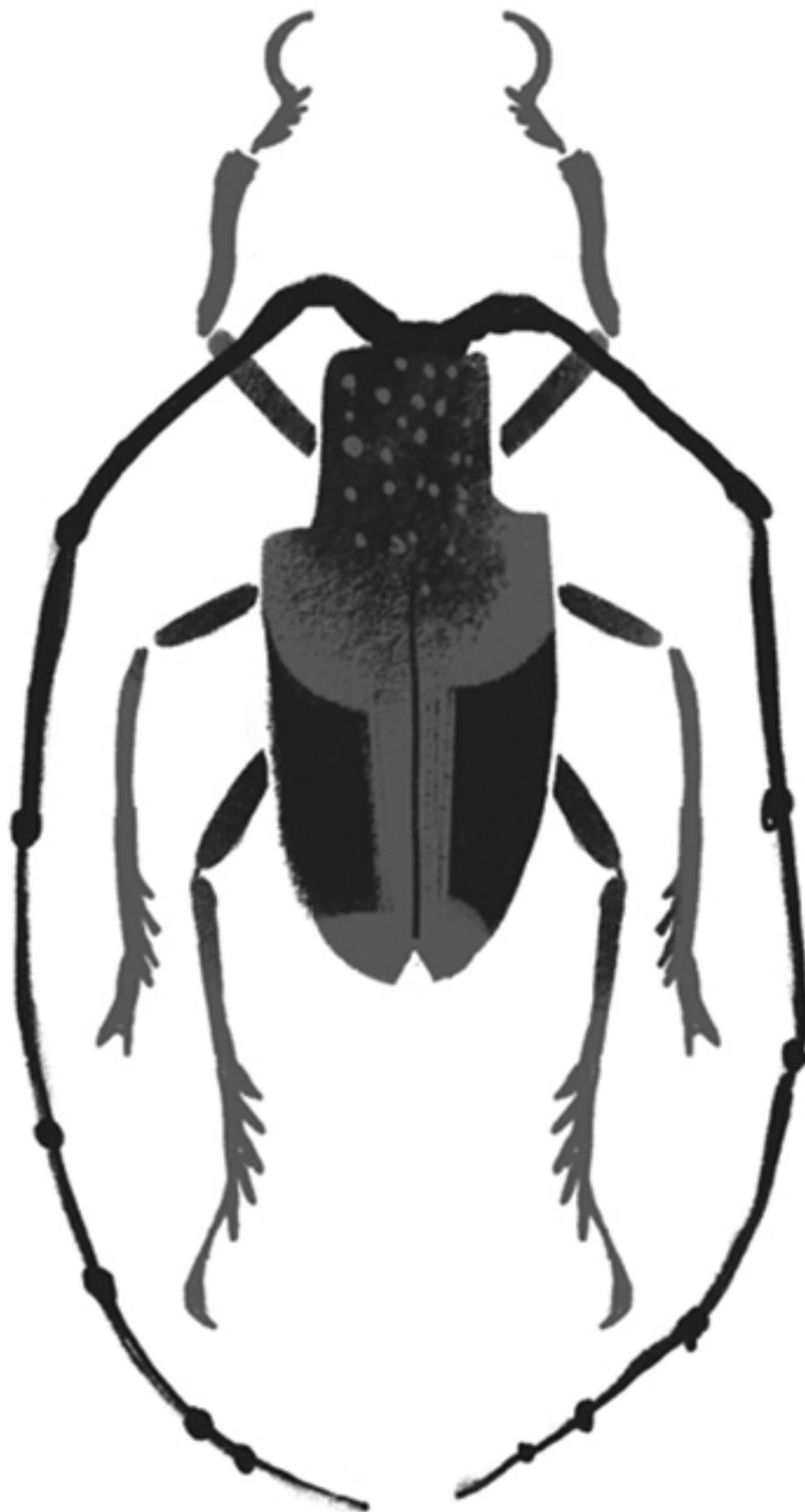
– Всё в порядке! – уверенно сказал Даркус. – Мы обычно через эту дверь не ходим, но тут совсем не опасно.

Дядя Макс успокаивающе кивнул брату.

Даркус взял папу за руку и перешагнул порог.

– Идём, сам увидишь!

3

Бал жуков

Даркус шёл первым. Ребята долго пробирались между горами досок, кирпичей и кирпичной пыли, перешагивали через наваленные в беспорядке обломки половиц и плитусов. И наконец пришли в крохотную кухню. Здесь уцелел только потолок, а весь пол был засыпан битым стеклом и осыпавшейся штукатуркой. На дверце чулана висел старый фартук в цветочек.

Даркус потянул папу в тесную уборную. Там в полу был вмонтирован канализационный люк. Вирджиния нырнула в дыру, следом полез Бертольд.

– Я следующий, хорошо? – Дядя Макс вопросительно посмотрел на Даркуса. Тот кивнул. – Отлично! До встречи!

Дядя спустился в люк. Последним скрылся из вида пробковый шлем.

– Там в стену вделана металлическая лестница, – объяснил Даркус.

– И там, внизу, то, что ты хочешь мне показать? – удивился папа.

Даркус опять кивнул.

– Спускайся, я за тобой.

Он улыбнулся, глядя, как папа спускается в люк.

– Не волнуйся, тебе точно понравится!

Даркус последним полез в дыру. Ноги сами находили перекладыны лесенки. Спускаясь во влажную тьму, он услышал голос дяди Макса:

– Барти, я пока закрою тебе глаза.

– Да здесь и так ничего не видно, – проворчал папа.

– Мы почти пришли.

Даркус прыгнул на землю и, обогнув папу и дядю Макса, побежал по размеченной белой дорожке, ведущей в Человечью зону – белый прямоугольник размером со стол для пинг-понга. Там были расставлены три автомобильных сиденья и кофейный столик. Белым цветом было отмечено место, отведённое для людей, чтобы жуки понимали: сюда лучше не заходить, не то вдруг кто-нибудь нечаянно раздавит.

На столике стояла масляная лампа. Мигающий огонёк бросал на стены пляшущие тени. Рядом ждали Вирджиния и Бертольд. У Даркуса от волнения мурашки побежали по рукам и сердце заколотилось быстрее.

Дядя Макс подвёл папу к самому большому сиденью.

– Так, вытяни руки вперёд. Хорошо... Чувствуешь? Это спинка кресла. Садись. Эй, левее! Ага, замечательно.

Он посмотрел на Даркуса, ладонью закрывая Барти глаза.

Даркус встал между Вирджинией и Бертольдом, спиной к Чашечной горе. По его кивку дядя Макс убрал руку.

Барти заморгал, оглядывая тёмную пещеру.

– Не понимаю...

– Я кое-что хочу тебе показать. – У Даркуса кровь шумела в ушах. – Ты спрашивал, как я вытащил тебя из «Вершин»? Вот как!

Он задрал повыше подбородок, втянул в себя воздух, не разжимая зубов, и издал тонкий пронзительный звук. В темноте послышался шорох крыльев. Громадный чёрный жук-носорог, почти невидимый в полумраке, приземлился Даркусу на плечо, поднялся на задние лапки, а передними помахал папе Даркуса.

– Это мой друг Бакстер, – сказал Даркус. – Жук помог мне тебя спасти.

Папа подался вперёд.

– *Халькосома кавказус*³, – прошептал он, широко раскрывая глаза.

– А это Марвин, – произнесла Вирджиния.

Вишнёво-красная бусина на конце её косички развернулась и оказалась жуком-лягушкой. Жук повисел секунду вниз головой, а потом прыгнул на плечо Вирджинии.

– А это Ньютон! – выкрикнул Бертольд.

Его пушистые белые волосы осветились изнутри, и над головой Бертольда взлетел сияющий светлячок размером с мячик для гольфа.

Даркус раскинул руки в стороны и несколько раз ритмично щёлкнул языком.

³ *Chalcosoma caucasus* (лат.) – жук-носорог.

– Вот это жуки, которые тебя спасли!

Безмолвный холмик у него за спиной взорвался светом. Из чашек, сверкая биолюминесцентными пятнышками на надкрыльях, выползли сотни огненосных жуков-шелкунов. Вверху замерцали брюшки светлячков, и отсветы побежали по потолку, словно сполохи северного сияния.

Вирджиния вдруг затопала ногами и захлопала себя руками по бокам, отбивая ритм. Он становился всё громче, и в ответ зазвучала высокая нота, словно вступили струнные в оркестре.

Постепенно мелодия разделилась на две, потом три слаженные ноты. Марвин, словно миниатюрный дирижёр, поднялся на крепкие задние лапки и указал на группу ударных – это жуки отбивали ритм на перевёрнутых чашках. Несколько навозных жуков сталкивали с горы заранее заготовленные шарики в здоровенную лужу, производя булькающий звук в одном темпе с ударными. Оркестр жуков играл смутно знакомую мелодию. Плечи Вирджинии поднимались и опускались в том же ритме.

– Это?.. – Бартоломью Катл изумлённо смотрел на брата. – Неужели Марвин Гэй, «До меня дошли слухи»?

Дядя Макс, улыбаясь, кивнул и тоже стал хлопать в ладоши и дёргать головой под музыку. С горы посыпались чёрно-белые жуки-горбатки, крутя сальто, а вереница красно-чёрных долгоносиков у подножия принялась отплясывать конгу⁴.

Светлячки собрались в огромный сверкающий ком, как зеркальный шар на дискотеке. С веток растущей на вершине горы буддлеи⁵ прыгали в разные стороны пары жуков-геркулесов и жуков-носорогов, сцепившись рогами и кружась, будто вертолётчики. Снизу к ним летели очаровательные божьи коровки и, хватаясь за ноги носорогов и геркулесов, образовывали развевающиеся алые ленты.

Бартоломью Катл, раскрыв рот, смотрел, как из чашек вылезают златки, взмахивая блестящими зелёными надкрыльями. Они ухватились за ленту из божьих коровок и, взлетев, начали перелетать навстречу друг другу, меняясь местами, словно воздушные гимнасты. Их сверкающие крылышки отражали огоньки светлячков.

Музыка загрела ещё громче. Даркус подал сигнал – и над Чашечной горой взмыла туча летающих жуков. Они вцепились лапками в одежду Даркуса и... медленно подняли его над полом, так что он завис в метре над папиной головой!

– Папа, из «Вершин» тебя вынесли жуки! – сверху крикнул он. – Вот так же, как меня сейчас! Они тебя спасли!

Бакстер подлетел к Бартоломью Катлу и заплясал перед ним в воздухе, размахивая лапками в такт музыке.

– НЕТ! – Бартоломью вдруг вскочил. – **ОСТАНОВИТЕСЬ! ПРЕКРАТИТЕ НЕМЕДЛЕННО!**

И он резким ударом сшиб жука-носорога на землю.

– Бакстер! – закричал Даркус.

Жуки растерялись. Ритмичная музыка разладилась и превратилась в какофонию. Испуганные светлячки разлетелись и попрятались в чашки. Даркус шлёпнулся на пол и сразу бросился к своему другу. Он прижал жука к груди, бережно держа его в ладонях.

– Бакстер, ты живой? – прошептал Даркус.

Жук кивнул рогом.

– Пап, зачем ты это сделал? – сердито крикнул Даркус. – Ты мог его ранить!

Бартоломью Катл с безумно расширенными глазами накинута на брата:

– Что ты сделал?

– Не я, Барти. – Дядя Макс мягко положил руку папе на плечо. – Это не моя работа, а *твоя*. Эти умные жуки – результат *твоих* экспериментов, *твоих* исследований.

– НЕТ! – вскрикнул доктор Катл.

– Если меняешь природу живого существа, от тебя уже не зависит, как оно будет развиваться дальше. А вообще-то ты неплохо поработал, по-моему.

⁴ *Конга* – популярный кубинский танец.

⁵ *Буддлея* – красиво цветущий полукустарник.

– Нет... – Бартоломью Катл отшатнулся, качая головой. – Таких результатов я не получал! Посмотри на них! Они танцуют! У них есть сознание! – Ещё шире раскрывая глаза, он ткнул пальцем в Чашечную гору. – Это... Это опасно! От неё нужно избавиться.

– Папа, нет! – заорал Даркус. – Жуки тебя спасли! И меня спасли! – Он крепче прижал Бакстера к груди. – Они мои друзья!

Вирджиния и Бертольд подбежали к Даркусу. – Ты не понимаешь! – взмолился Даркус. – Они замечательные! Пообщайся с ними немножко – ты сам поймёшь!

– Нет, сын, это ты не понимаешь, – ответил Бартоломью Катл. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Я думал, ты любишь жуков! – чуть не плача, крикнул Даркус.

Доктор Бартоломью Катл в упор посмотрел на сына и расправил плечи.

– Даркус, это не обычные жуки. Это опасные твари, созданные Лукрецией Каттэр.

4

Блюз Базового лагеря

– Я его спас, а он теперь хочет, чтобы я делал вид, будто ничего не было!

Даркус пнул диван и сразу пожалел об этом – пальцы отшиб. Он схватился за ногу и рухнул на оливково-зелёные подушки, но осторожно, чтобы не уронить Бакстера, сидевшего на плече.

– Обращается со мной как с ребёнком, – угрюмо добавил Даркус, глядя в брезентовый потолок их логова – Базового лагеря.

– Даркус, он старается тебя защитить, – спокойно отозвался Бертольд.

Пока они ждали Вирджинию, Бертольд трудился у верстака – привинчивал к металлической палке канцелярские зажимы, чтобы можно было брать предметы на расстоянии. Ньютон весело кружился над его пушистыми, как одуванчик, волосами и мерцал светящимся брюшком.

– И потом, ты и есть ребёнок.

– Не надо меня защищать! – вскинулся Даркус. – Не меня же похитили!

– Зато в тебя стреляли, – напомнил Бертольд, глядя поверх очков на перевязанное плечо Даркуса.

– Подумаешь, рана неглубокая, и кость не задело. Уже всё зажило, смотри!

Даркус хлопнул рукой по повязке и охнул: боль была такая, что он мигом забыл про ушибленную ногу.

– Ага, я вижу... – Бертольд вздохнул. – Не злись на него: он просто старается быть хорошим папой.

– Да знаю я. – Даркус потёр виски. У него болела голова и живот крутило от беспокойства.

Папа вёл себя странно с тех пор, как они показали ему жуков, а где-то всё ещё рыскала Лукреция Каттэр. По ночам в тревожных снах Даркус видел, как она гонится за ним, скрипя когтистыми лапами, загоняет его в кошмарный лабиринт полупрозрачных зеркал, полный злобных жуков-олений.

– Всё получилось не так, как я ожидал. – Даркус снял Бакстера с плеча и поправил повязку.

Бинты были несколько раз обёрнуты вокруг его туловища и неудобно собирались в комок под мышкой. Даркус посадил жука себе на коленку и ласково почесал ему под подбородком.

– Знаешь, как папа смотрит на Бакстера? Как будто хочет с ним устроить какой-нибудь эксперимент.

– Что ты! Он бы не стал! – Бертольд отложил отвёртку в сторону.

– Наверно, не стал бы. Но вчера, когда мы вылезли из канализации, он установил в комнате дяди Макса микроскоп. И ночью, кажется, совсем не спал. А сегодня утром... – Даркус помолчал, прежде чем договорить. – *Он сбрил бороду!* Я в жизни не видел его без бороды. Он вообще на себя не похож. Без бороды и такой худой, прямо как будто это не папа, а какой-то чужой человек.

– Ему здорово досталось, – сказал Бертольд. – Вам обоим.

– Угу... – вздохнул Даркус. – Только он не хочет со мной об этом говорить.

– А дядя Макс?

– Он держится так, словно всё у нас чудесно и замечательно, поэтому я и знаю, что на самом деле совсем наоборот. Он тоже беспокоится. Вчера вечером они думали, что я сплю, а я слышал, как они спорили. Утром я попробовал заговорить с папой, но он всё время переводил разговор на другое. Расспрашивал меня о школе и – представь себе! – о девочках.

– О девочках? – Бертольд расхохотался.
– Спрашивал, как, по-моему, красивая ли Вирджиния! – Даркус не скрывал возмущения. – Это же надо такое ляпнуть!

– Конечно, красивая.

Даркус побагровел.

– Да я не к тому! Тут серьёзные дела творятся, что-то связанное с Лукрецией Каттэр, а папа не позволяет ему помогать. Мы даже не знаем, *что* она задумала.

– Может, ничего и не задумала, – с надеждой сказал Бертольд. – Всё-таки она дизайнер модной одежды.

– Она не просто дизайнер, и ты это знаешь! – Даркус стиснул зубы. – Если она ничего не задумала, зачем тогда папу похищала?

– Даркус, успокойся! Папу твоего мы вернули, так? И жуки в безопасности. Никто не знает, что они прячутся в канализации. Всё будет хорошо.

– Ты не понимаешь... Я думал, вот папа вернётся – и всё станет как раньше, а не стало. Я думал, папа обрадуется жукам, а он их ненавидит.

Бертольд часто заморгал.

– Всё будет нормально. У тебя хороший папа.

– Он изменился. – Даркус с трудом выдавливал слова. – Он на себя не похож с тех пор, как мы показали ему Чашечную гору. У него такой взгляд, как будто он о чём-то всё время думает. – Мальчик низко наклонил голову. – Так было, когда умерла мама. Он не замечает, когда я вхожу в комнату. Не видит меня, даже если я стою прямо перед ним. – Голос предательски задрожал. – Я думал, что вернул его, а он не вернулся! – Даркус врезал кулаком по диванной подушке. – И он взял с меня слово, что я близко не подойду к Лукреции Каттэр и не буду интересоваться ничем, что её касается. Знаешь, когда его спрашивают, где он был всё это время, он врёт! Говорит, что уезжал в научную экспедицию. И мне врёт. Он знает, что хочет сделать Лукреция Каттэр, а мне не говорит.

– Этого ты не можешь знать наверняка, – мягко возразил Бертольд.

– Нет, я *знаю!* – Даркус отвернулся. – Так же, как знаю, что мама умерла.

Он снова стукнул подушку.

За дверью что-то загремело, и в Базовый лагерь влетела Вирджиния. Её карие глаза сияли.

– Снег идёт! Вылезайте, посмотрите!

Бертольд оглянулся:

– Правда? Первый снег этой зимой.

– Ну да! Как раз к Рождеству. Пошли!

Вирджиния выскочила за дверь. Бертольд нерешительно посмотрел на Даркуса.

– Да я в норме, – сказал Даркус.

Бертольд показал на дверь:

– Пойдёшь?

– Ты что, издеваешься? Конечно, пойду! – Даркус через силу улыбнулся. – Там же снег!

Бертольд тоже улыбнулся – от облегчения – и выбежал вслед за Вирджинией.

Даркус посадил Бакстера на ладонь и встал, легонько прижимая жука к щеке.

– Бакстер, я никому не дам тебя тронуть! – прошептал он, подняв ладонь повыше, чтобы смотреть жуку в глаза. – И не позволю папе нас разлучить. Никогда.

Бакстер потёрся рогом о его нос.

Даркус приставил ладонь к ключице и подождал, пока Бакстер переползёт к нему на плечо. Они вместе вышли из Базового лагеря.

Среди сваленной во дворе старой мебели и всякой рухляди было проложено несколько дорожек. За Большой аркой из связанных вместе кабельными стяжками сломанных велоси-

педов начинались извилистые ходы, обозначенные табличками с названиями: «проспект Долгоносиков», «туннель Чернотелок» и «Навозник-авеню». Даркус, пригнувшись, шмыгнул на проспект Долгоносиков – очень аккуратно, чтобы не сработала заготовленная Бертольдом для чужаков ловушка. В конце проспекта Даркус прополз под складным столиком и, выпрямившись, увидел, что Вирджиния танцует, вскинув руки и стараясь поймать летящие с пасмурного неба пухлые снежные хлопья.

Бертольд поймал крупную снежинку языком – она сразу растаяла. Ньютон сперва увораживался от холодных снежинок, а потом спрятался в волосах Бертольда.

– Как только снега наберётся, чтобы слепить снежок, вам конец! – объявила Вирджиния.

– Я и сам неплохо метаю снежки! – усмехнулся Даркус.

– Не-а! – Вирджиния замотала головой. – Куда тебе! Можете вместе с Бертольдом выйти против меня. Через минуту запросите пощады!

– Эй! Не надо! – не очень уверенно запротестовал Бертольд.

Вирджиния засучила рукав куртки и замахала рукой, показывая своё грозное снежкометательное умение. Даркус засмеялся. Невозможно злиться, когда идёт снег. Он смягчает всё вокруг, сглаживает любые проблемы и превращает весь мир в огромную игровую площадку.

5

Новак выходит из-под контроля

Новак сидела на краю своей розовой, пухлой, как зефир, постели и беспокойно болтала ногами, не сводя взгляда с груды коробок и чемоданов у дверей. Тревога и надежда разрывали её на части. Было странно думать, что она уедет из «Вершин». Всю жизнь здесь жила, а сегодня отправится в Копенгаген, в частную школу. Новак никогда ещё не училась в школе. Она надеялась, что подружится с одноклассницами.

Девочка надела свой самый красивый дорожный наряд: нежно-розовое гипюровое платье и коротенький атласный жакет-болеро такого же цвета, плотные белые колготки и туфельки-балетки. Отметим от укусов жуков-убийц уже почти прошли, но ей всё равно хотелось прикрыться. Новак знала, что она не такая, как другие девочки, и не хотела, чтобы кто-нибудь увидел укусы и начал задавать вопросы, на которые трудно ответить. Обычно матери не запирают своих дочек в тюремных камерах и не натравливают на них жуков-убийц.

Маман так и не догадалась, что дочь помогла Даркусу спасти своего папу, но всё равно её наказала – за то, что отвлекла Моулинга, когда тот делал обход. Лукреция заперла её в камере на целую неделю ипустила туда жуков-убийц, чтобы те пили её кровь. Поначалу Новак от них отмахивалась, а когда прошло несколько часов, она встала и начала танцевать. Представила, что в голове у неё звучит музыка из балета «Жизель» и станцевала партию главной героини – крестьянской девушки, которая полюбила неверного принца. Пока она танцевала, жукам было труднее на неё забраться. Кружась по камере, Новак растоптала несметное количество жуков-убийц, но в конце концов она выбилась из сил и упала на колени. Жуки кусались ужасно больно! Их было так много... Девочка представила себе, что рядом стоит на коленях Даркус, держит её за руку и говорит, чтобы она не боялась. Маман – его враг, а теперь и враг Новак тоже.

От мрачных мыслей её отвлек стук в дверь. Наверное, машина уже готова. Девочка вскочила.

– Мадемуазель... – В дверях стоял Жерар. – Вас желает видеть ваша матушка.

Новак удивлённо заморгала:

– Одну минуточку.

– Вы должны явиться к ней немедленно. – Жерар склонил голову. – Я подожду снаружи.

Новак не видела маман с тех пор, как та приказала Крейвену бросить её в камеру. Может быть, она хочет попроситься? Девочка осторожно сняла обруч, придерживающий её длинные серебристо-белокурые волосы. К обручу сбоку были приклеены несколько красивых шёлковых розочек цвета пепельной розы. Среди них, совсем незаметная со стороны, утнездилась златка. Её надкрылья переливались всеми цветами радуги.

– Хепбёрн, тебе со мной нельзя, – шепнула Новак. – В комнатах маман опасно.

Хорошенькая златка надменно взмахнула усиками.

– Я всё понимаю, но я скоро вернусь, и тогда мы с тобой уедем отсюда навсегда! – Новак нежно погладила туловище златки мизинцем. – А пока я тебя посажу в сумку.

Она открыла розовую кожаную сумку на длинном ремне. Там уже лежали вещи в дорогу. Новак аккуратно пристроила обруч между двумя книжками, чтобы Хепбёрн не раздавило.

– Здесь тебя не найдут.

Девочка послала златке воздушный поцелуй и закрыла сумку.

– Я готова! – крикнула она, выходя из своей комнаты.

Жерар шёл впереди размеренной поступью. На середине коридора он вдруг остановился и оглянулся.

– Хорошо, что мадемуазель уезжает. – Дворецкий запнулся и с трудом сглотнул. – Я не могу вас защитить.

Новак сжала его руку в белой перчатке. Они молча пошли дальше, по коридору и вниз по лестнице, держась за руки. Когда спустились на четвёртый этаж, дворецкий выпустил её руку.

– *Sois courageuse!*⁶ – шепнул он. И постучал в дверь.

– Войдите! – отозвалась Лукреция Каттэр.

Девочка приказала своему сердцу биться ровно, а на лице изобразила равнодушную маску. Потом открыла дверь и вошла.

Маман сидела к ней спиной за туалетным столиком. Высокий сводчатый, как в соборе, потолок её комнаты был художественно окрашен в чёрный цвет. Чёрные стены, чёрные двери, чёрное стекло, чёрное кружево... И на всём – золотая узорчатая кайма. Новак всегда боялась этой комнаты, но больше всего её почему-то пугал чуть заметный неотвязный запах – не то грушевых леденцов, не то подгнивших бананов.

– Доброе утро, маман.

Она сделала реверанс, пристально разглядывая чёрные половицы под ногами.

Лукреция Каттэр медленно обернулась, не вставая с кресла чёрного дерева. Девочка собралась с духом, чтобы выдержать критический взгляд матери.

Лукреция была одета в длинное чёрное кимоно с золотой вышивкой – точно в тон губной помады. Чёлка чёрного парика доходила до её неизменных тёмных очков.

– Ты хотела меня видеть? – Новак не поднимала глаз.

– О да! Хотела.

Последовала долгая пауза. От волнения у Новак затряслись руки.

– Я сегодня еду в школу, – сказала она, чтобы хоть как-то нарушить молчание.

Маман снова отвернулась к зеркалу.

– Нет, не едешь.

– Как?! – Новак наконец-то подняла голову и вздрогнула, встретившись с отражением матери в зеркале.

– Я передумала.

– Но я уже вещи уложила... Я...

– Дом я поставлю на сигнализацию. Через несколько дней мы летим в Лос-Анджелес.

– В Лос-Анджелес?

– Да. Мне нужно готовиться к церемонии вручения кинопремии.

– Кинопремии? – поперхнулась Новак. – Ты же не любишь такие церемонии...

– *Эта* мне понравится. – Губы Лукреции Каттэр искривились в улыбке. – К тому же ты в числе номинантов.

– Я?! – Новак даже рот раскрыла.

– Да, в категории «Лучшая актриса». – Лукреция засмеялась. – Безумно смешно, правда?

– «Лучшая актриса»?!

Новак не верила своим ушам. Выиграть кинопремию – это была её мечта. Но премию дают только по-настоящему великим актрисам!

Сзади потянуло сквознячком, и вдруг рядом с Новак оказалась Лин-Лин.

– А-а, Лин-Лин! Есть новости?

Лин-Лин не ответила, только многозначительно посмотрела на Новак.

– Уходи! – Лукреция Каттэр махнула дочери рукой, унизированной бриллиантовыми перстнями.

– Да, маман.

Сделав ещё один реверанс, дочь попятилась к двери.

⁶ Будь храброй! (*фр.*)

Новак постояла минуту в коридоре, стараясь понять, что происходит. Маман ненавидит церемонии вручения различных премий и никогда на них не ходит, даже если премию должны вручить ей самой. Почему же она собралась на вручение самой известной премии в мире, хотя номинирована не она, а Новак?

«А если я вдруг выиграю?!» Новак так и распирало от волнения. В груди словно кружились тысячи сверкающих светлячков. Она вздохнула и прижалась ухом к двери, надеясь услышать ещё что-нибудь о кинопремии.

Она услышала, как маман спрашивает Лин-Лин:

– Какие новости об этих омерзительных братцах из магазина товаров для рукоделия?

– Хамфри Шанс и Пикеринг Риск всё ещё сидят в тюрьме, но, поскольку не нашлось улик, подтверждающих, что это они стреляли в Даркуса Катла, полицейским придётся рано или поздно их отпустить.

Новак похолодела. Руки покрылись пупырышками. Даркуса застрелили?!

– Забудь об этих слабоумных. Они так невероятно тупы, что не представляют угрозы. – Лукреция рассмеялась, а потом вздохнула: – Если бы этот мальчишка не выскочил заслонять отца, не было бы всей этой суеты. Из-за неё невозможно оставаться в Лондоне. Только я подумаю, что от всех откупились, появляется новый свидетель. А я не могу рисковать скандалом в прессе. Я не собиралась убивать Бартоломею Катла – хотела просто вывести его из строя. Нужно было позволить тебе это сделать. Ты позаботилась о той надоедливой журналистке? – обратилась она к телохранительнице.

– Эмма Лэм больше не будет вести репортажи, – ответила Лин-Лин. – Её теперь никто не возьмёт на работу.

– Хорошо.

Новак тихонько отошла от двери и бросилась бежать. Жерар ждал её у лестницы.

– Мадемуазель, машина подана.

– Я не поеду, – задыхаясь, еле выговорила Новак. – Она передумала.

Девочка взлетела по лестнице, перескакивая сразу через две ступеньки. Сердце у неё рвалось на куски. Её родная мать застрелила её единственного друга в целом мире. *Даркус умер.*

6

Перелётные пташки

Хамфри Шанс лежал на нарах и смотрел на серый матрас сверху, разделённый на ромбики металлической сеткой. Он старался не слушать нескончаемую нудятину своего двоюродного брата. Краем глаза он видел, как по отштукатуренной стене ползёт мокрица, приближаясь к его пухлому локтю. Хамфри уцепил мокрицу двумя пальцами и закинул в рот. Кормили в тюрьме плохо.

«Мокрицы не очень вкусные, – подумал он, разжёвывая передними зубами крошечный живой комочек. – Жуки лучше. Мясистее».

Пикеринг на верхней койке всё ещё что-то бубнил.

– Главный вопрос, Хампти. Что нам нужно сделать в первую очередь?

– Я тебе говорил: не называй меня так! – зарычал Хамфри.

Пикеринг противно захихикал, брызгая слюной. Его изжёлта-бледная физиономия показала над краем узкой тюремной койки.

– Что нам делать, когда выйдем отсюда, как ты думаешь?

Его клочковатые брови изогнулись, а жёлтые зубы торчали из приоткрытого рта, как у крысы. Подбородок, похожий на локоть, зарос сивой щетиной, а редкие волосы висели, словно размотавшийся клубок бечёвки.

– Да что хочешь, то и делай! – буркнул Хамфри и отвернулся к стене, чтобы не видеть надоевшего Пикеринга.

– Но я тебя спрашиваю! – не отставал Пикеринг. – Хамфри, мы же с тобой теперь партнёры! Найдём сначала мальчишку? Или навестим Лукрецию Каттэр? Она нам должна миллион фунтов⁷, ты не забыл?

Он ткнул Хамфри в спину костлявым пальцем.

– Жуков-то мы ей честно отдали! Мы не виноваты, что мерзкие насекомые стали отбиваться.

– Когда меня отсюда выпустят, я пойду в ближайшую шашлычную! – Хамфри потёр пустой живот. – А потом найду мальчишку и в землю вобью по самую маковку.

– Да-а! – завизжал Пикеринг. – Правильно! Сначала мальчишку!

Он захлопал в ладоши, но вдруг замер.

– погоди, на что ты шашлыки-то покупать будешь? Нет, сначала надо пойти к Лукреции Каттэр и забрать своё. Когда получим деньги, можешь закупить хоть полную ванну шашлыков!

Хамфри хмыкнул, но кивнул. В словах двоюродного брата определённо был смысл, а мысль о полной ванне шашлыков ему точно понравилась.

– Вот после этого, – Пикеринг вдруг взмахнул руками, – **МЫ УБЬЁМ МАЛЬЧИШКУ!**

– Ш-ш-ш!.. – зашипел Хамфри. – Нас отсюда не выпустят, если поймут, что мы собираемся первым делом пристукнуть ребёнка.

– Да-да! – прошептал Пикеринг. – Это нужно держать в секрете, Хампти. Ш-ш-ш!.. – И он снова захихикал.

Хамфри покачал головой. Пикеринг был не в себе с тех пор, как их дом превратился в груды обломков. Как будто в нём слишком туго закрутили какую-то пружину, а теперь она распрямилась и отскакивает в самых неожиданных направлениях. Раньше Пикеринг, например, заботился о своей внешности. Всегда был умыт, причёсан, аккуратно подстригал ногти и

⁷ *Фунт (фунт стерлингов)*, – денежная единица, являющаяся национальной валютой Великобритании.

выдёргивал волоски из ноздрей. Но после того как жуки обстреляли его какашками, он перестал мыться. Исчезло всё, что ему было дорого, – магазин и его драгоценная мебель.

Теперь Пикеринга интересовали только три вещи: деньги, мальчишка и Лукреция Каттэр. Влюблённость в миллионершу, которая предложила купить у них жуков, стала как будто ещё сильнее оттого, что его отвергли. Он завязал узлами своё любимое одеяло, по прозвищу Слюнявчик, так что получилось что-то вроде куклы, и по ночам, когда думал, что Хамфри спит, целовал эту куклу, называя Лукрецией.

Хамфри снова и снова перебирал в голове события, которые привели к их с Пикерингом аресту, но так и не мог ничего понять. Кто-то подбросил в их дом бомбу и выстрелил в сопляка, в этого Даркуса Катла. В обоих преступлениях почему-то обвинили их с братцем, хотя у них и огнестрельного оружия-то не было. И зачем бы они стали взрывать собственный дом?

Хамфри не радовалась перспектива прожить всю жизнь в тюрьме. В целом ему здесь даже нравилось – по крайней мере чисто, чего не скажешь о его комнате. Он и на воле не роскошествовал. А люди в тюрьме такие же, как и за её стенами. Хамфри всегда считал, что каждый готов его ограбить при малейшей возможности, ведь он сам поступил бы так же. Больше всего в тюрьме его расстраивала кормёжка. Он стосковался по мясным пирогам с клюквенным соусом. За месяц в тюрьме его объёмистый живот заметно отощал, кожа висела складками, словно оплывшая свеча. Желудок постоянно болел, и чем сильнее болел, тем свирепей становились мысли Хамфри.

Услышав шаги, он обернулся к решётке, которая в камере была вместо передней стены. Пикеринг сел на верхней койке, свесив ноги прямо перед лицом Хамфри. Всё-таки надо бы ему помыться и подстричь ногти.

По ту сторону решётки появился дежурный охранник в форме, фуражке и с большой связкой ключей.

– Сегодня ваш счастливый день, джентльмены! Управление тюрем Ёё Величества не желает больше обеспечивать ваше проживание.

– Что?! – Пикеринг соскочил вниз, что-то радостно лопоча.

– Нас выпускают? – Хамфри скатился с койки на пол и встал на колени.

– Похоже на то! – ответил дежурный.

– Ничего не понимаю, – нахмурился Хамфри.

– Дело закрыли за недостатком улики. Одежду и личные вещи получите у выхода. Следуйте за мной, пожалуйста.

– Но как же?.. – Хамфри поднялся на ноги. Он никак не мог прийти в себя от изумления.

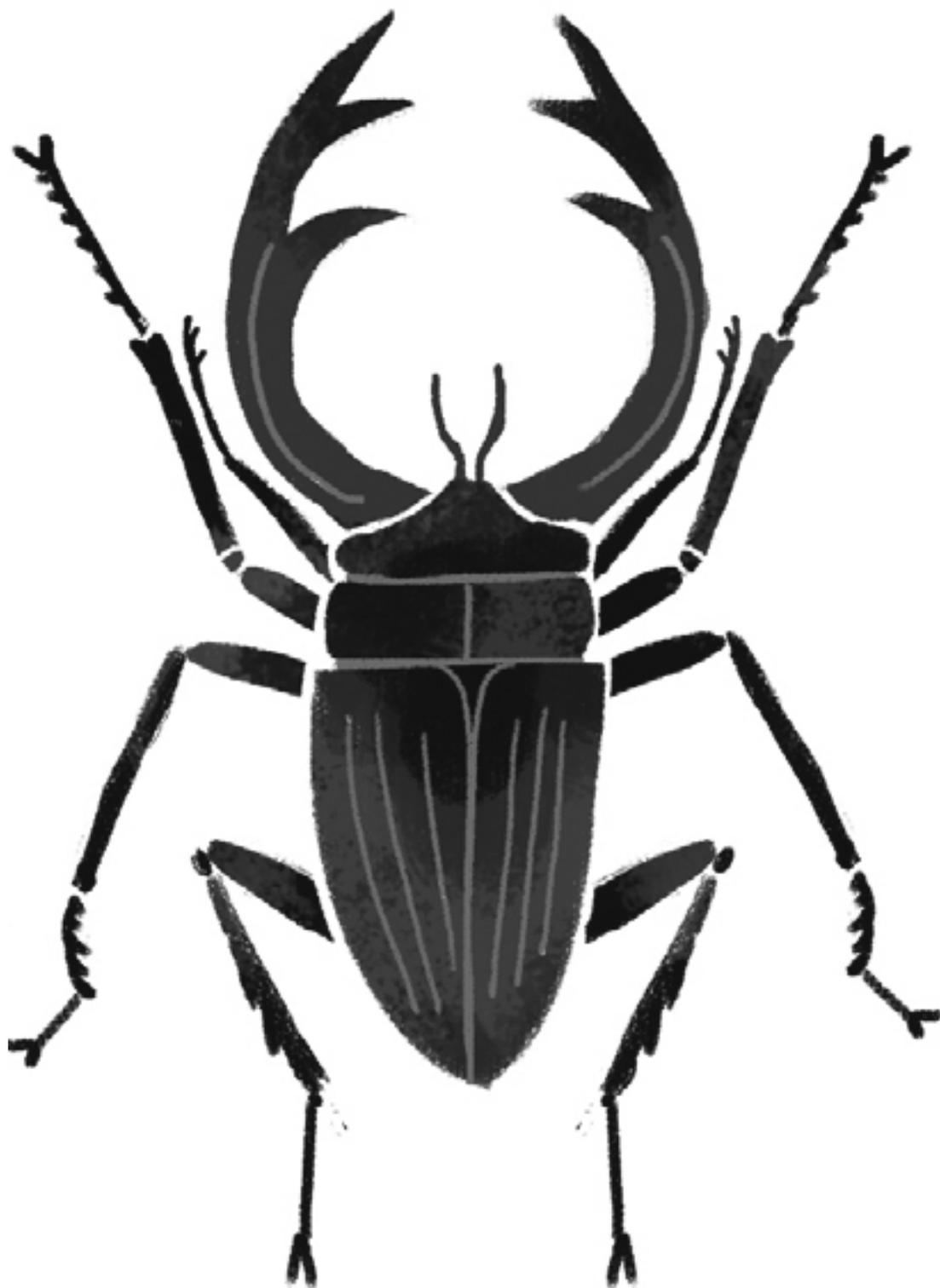
Пикеринг уже выскочил из камеры и вприпрыжку последовал за дежурным. Хамфри поплёлся за ними. В животе у него раздавалось бурчание, словно рёв голодного льва, от одной мысли, что он наконец-то сможет наесться до отвала.

Пикеринг, слегка приотстав, зацепил Хамфри за локоть своей тощей, как палка, рукой.

– Сначала деньги, – шепнул он, подмигивая. – А потом отыщем этого мерзкого мальчишку.

Хамфри молча солидно кивнул. Сперва надо живот набить, а там уж он с огромным удовольствием разорвёт сопляка Даркуса на мелкие кусочки.

7

Что случилось со Спенсером Крипсом

Школа короля Этельреда гудела, как сонный улей. Оглушительно прозвонил дребезжащий звонок, и здание словно взорвалось: дети в чёрно-фиолетовой форме вылетали из дверей, словно рассерженные пчёлы.

Даркус ждал Вирджинию и Бертольда у главных ворот. Дальше они пошли вместе.

– Что теперь будешь делать? – спросила Вирджиния.

Даркус пожал плечами:

– Не знаю... Папа ведёт себя странно. Вчера я видел, как он выходил из «Товаров для рукоделия» с банкой жуков.

Бертольд остановился как вкопанный.

– Он им ничего плохого не сделает?

– Нет. – Даркус помотал головой. – Он всю жизнь меня учил, что нельзя причинять вред живым существам. По-моему, он их исследует. На столе у него целая куча книг, и вообще, он из своей комнаты выходит только в туалет.

– И чем он занят? – спросила Вирджиния.

– Я думаю, он хочет выяснить, *что* именно Лукреция Каттэр сделала с жуками, – сказал Даркус. – Я ему говорю, что понимаю этих жуков, что я был в «Вершинах» и могу помочь, а он утверждает, что я не объективен и что у меня ненаучный подход.

– «Ненаучный подход»! – фыркнула Вирджиния. – Что это значит, вообще?

– Кажется, он хотел сказать... – начал издали Бертольд.

– Эйнштейн доморощенный, прекрати! – Вирджиния подбоченилась, насмешливо склонив голову к плечу. – Знаю я, что он хотел сказать. Просто я думаю...

Она вдруг застыла.

– Что? – нахмурился Бертольд. – Что такое?

Вирджиния серьёзно посмотрела Бертольду в глаза и одними губами беззвучно произнесла: «Замри!» Потом прыгнула к нему и схватила за плечо. Бертольд ойкнул, но вырваться не стал, хотя перепугался до смерти.

– Что такое? Что там?

– Даркус! – заорала Вирджиния. – Дай мне какую-нибудь банку, коробку! Скорее!

Даркус судорожно зашарил по карманам куртки и вытащил прозрачную пластмассовую коробочку драже «Тик-так». На дне ещё болтались две-три штучки.

– Крышкуними! – командовала Вирджиния, медленно отводя от плеча Бертольда сложенные вместе ладони. – Вытряхни всё оттуда!

Даркус сделал, как велено, и протянул ей пустую коробочку.

– Ух ты, с какой силой наружу рвётся! – удивилась Вирджиния, глядя на свои руки. – Ай! Она меня укусила!

– Кто? – спросил Бертольд.

– Божья коровка.

Бертольд посмотрел на неё с изумлением.

– Божьи коровки не кусаются!

– А эта – кусается.

– Вообще-то среди божьих коровок попадаются каннибалы, – заметил Даркус.

– Каннибалы?! – У Бертольда глаза полезли на лоб. – Они едят друг друга?

– Даркус, я сейчас чуть-чуть раздвину пальцы, указательный и средний. – Вирджиния показала на них подбородком. – А ты приставь к ним коробочку.

Даркус прижал коробочку из-под «Тик-так» к руке Вирджинии. Она осторожно приоткрыла щёлочку между пальцами, и что-то чёрно-жёлтое метнулось в коробку.

– Ага, букашка, попалась! – завопила Вирджиния и быстро перевернула коробочку, прижав сверху ладонь. – Давай сюда крышку, быстро!

Даркус протянул ей белую пластиковую крышку. Вирджиния ловко закрыла коробочку и показала её друзьям.

– Там жёлтая божья коровка! – сказал Бертольд.

– Здоровущая! – Вирджиния гордо посмотрела на Даркуса.

Божья коровка с шестью пятнышками яростно бросалась на стенки коробочки, безуспешно пытаясь вырваться на свободу.

– Она за нами следит! – прошептал Даркус.

– Кто? – спросил Бертольд, испуганно глядя на Даркуса и Вирджинию.

– Лукреция Каттэр. – Даркус сглотнул: у него вдруг пересохло во рту. – Жёлтые божьи коровки – её шпионы. Помните, я видел такую в Музее естествознания, когда искал папу?

Вирджиния кивнула.

– Надо будет внимательнее смотреть по сторонам.

– Она была на мне? – испуганно пискнул Бертольд. – Почему на мне?

– Мне показалось, что я видела похожую пару дней назад около «Товаров для рукоделия». Хотела приглядеться получше, но она улетела.

– Надо всегда ходить вместе, – сказал потрясённый Бертольд. – Не разделяться!

– Ага, – согласился Даркус. – Только я сейчас сбегая в Базовый лагерь – проверю, как там Бакстер.

Ему запретили приносить жука в школу после того, как Бакстер на уроке домоводства выполз у него из кармана и обкусал бананы, приготовленные для пирога. Увидев Бакстера, учительница, миссис Павлова, завизжала как резаная на всю школу. А Робби, самый вредный мальчишка в классе, стал дразниться: «Тараканщик! Жучиный маньяк!» Другие школьники подхватили – те, которые не визжали. С тех пор Даркус, уходя в школу, оставлял Бакстера в аквариуме в Базовом лагере.

– А мне в школьную библиотеку надо, – вдруг вспомнила Вирджиния.

Она поспешно убрала коробочку из-под «Тик-так» в рюкзак и застегнула кармашек на молнию.

– Но сначала отнесём божью коровку в Базовый лагерь. Заодно ты Бакстера заберёшь.

– Зачем тебе в библиотеку? – спросил Даркус.

– Бенсон задал на дом по истории найти первичные и вторичные источники информации о каком-нибудь реальном событии. Я решила взять газетную статью о Лукреции Каттэр. – Вирджиния сверкнула улыбкой. – Займусь домашкой и расследованием одновременно!

– Отличная мысль! – одобрил Даркус.

– Мы можем вместе пойти в библиотеку, – предложил Бертольд, с надеждой глядя на друзей. – Нам ведь всем нужно делать домашнее задание мистера Бенсона.

– Ладно. – Вирджиния накинула рюкзак на плечо. – Но о Лукреции Каттэр буду писать я! А вы себе темы сами придумывайте.

– Смотрите, я тут кое-что нашла на этой штуковине с микрофильмами! – Вирджиния провела рукой перед лицами мальчишек.

Даркус и Бертольд одновременно оторвались от поиска в компьютере свежих статей о Лукреции Каттэр. Компьютерный архив охватывал только последние три года, а основная масса материалов хранилась в виде микрофильмов, которые нужно просматривать на специальном аппарате. Этот аппарат Вирджиния и заняла, как только они пришли в библиотеку. Там был большой экран, а под ним тянулась микроплёнка, похожая на ленту фотографических

негативов. Когда Вирджиния нажала красную кнопку, очередной кадр сдвинулся под увеличительное стекло, и на экране появилось изображение.

Вирджиния ткнула в него пальцем.

– Вот послушайте!

Как предполагают, Спенсер Крипс, шестнадцатилетний подросток из восточной части Лондона, работающий лаборантом в научно-исследовательском центре Лаборатории Каттэр... – Вирджиния сделала паузу, многозначительно глядя на друзей. – Трагически утонул в Риджентс-канале. Тело обнаружить не удалось – видимо, его смыло в канализацию. На берегу канала полицейские нашли его обувь и наручные часы.

Убитая горем мать, миссис Айрис Крипс, попросила опубликовать следующее заявление: «Спенсер – вся моя жизнь. Я не верю, что он утонул. Он хорошо плавает. Если увидите его, пожалуйста, сообщите в полицию!»

Старший суперинтендант Сэборн сказал нашему корреспонденту, что миссис Крипс говорила под влиянием скорби. К сожалению, нет сомнений в том, что Спенсер Крипс погиб.

– Не понимаю, к чему всё это? – Даркус нахмурился. – С жуками это Спенсера-как-его-там ничего не связывает. Подумаешь, он работал в лабораториях Лукреции, и только-то!

– А тебе не кажется это немножко странным? – спросила Вирджиния. – Обувь и часы на берегу, а тупа нет...

– Может, он решил поплавать в канале и его утянуло под воду, – предложил Бертольд.

– Серьёзно? Ты видел этот канал? Там совсем мелко. Старые тележки для покупок торчат из воды наружу! А посмотри дату – статья вышла пять лет назад.

– Ну и что? – не понял Даркус.

– А то! – Вирджиния скорчила нетерпеливую рожицу. – Ты не задумывался, давно ли жуки живут на Чашечной горе? Мы знаем, что их вывели в лабораториях Лукреции Каттэр, но когда? И как они оттуда удрали? Наверное, там что-то случилось, а в результате они попали в магазин.

– Да, – кивнул Даркус, – это верно.

– Я думаю, дело в нём.

Вирджиния ткнула в фотографию рядом со статьёй. С газетной страницы им улыбался мальчишка в квадратных очках, с дружелюбным выражением лица, румяными щеками и копной лохматых светлых волос.

– Почему ты думаешь, что Спенсер Крипс как-то связан с жуками? – спросил Бертольд.

– Потому что я гений! – Вирджиния улыбнулась, лукаво наклонив голову к плечу. – Я вычислила, сколько времени жуки прожили на Чашечной горе!

– Как ты вычислила?

– Мне Марвин помог. – Она подставила руку под косичку, на которой болтался Марвин, и вишнёво-красный жук спрыгнул на ладошку на мощные задние лапки. – Он не умеет считать время, поэтому я ему объяснила, что такое Рождество. Показала разноцветные гирлянды лампочек на нашей улице, нарядные ёлки в окнах домов, и он мне сказал, что уже видел Рождество четыре раза.

– Он тебе *сказал*? – фыркнул Даркус.

– Конечно, не словами, умник! Марвин жук и не умеет разговаривать. Зато может отстукивать лапкой по столу – так он мне говорит цифры. Он топнул ногой четыре раза – значит, наступающее Рождество для него пятое.

Вирджиния прищурилась, поджав губы, словно говорила: попробуйте только не поверить!

– Здрово ты придумала! – восхищённо воскликнул Бертольд.

– Ага, отлично! – согласился Даркус.

– А то! – гордо ответила Вирджиния. – И я стала искать, что такого необычного случилось пять лет назад, но это ещё не всё... Марвин Спенсера узнал!

– Что?! – вскинулся Даркус.

– Он очень разволновался, когда увидел фото. Прыгнул на экран и – вот честное слово! – погладил Спенсера Крипса по лицу.

– Очень странно!.. – прошептал Бертольд, вытаращив глаза.

Даркус наклонился и придвинул к экрану плечо, чтобы Бакстеру было лучше видно.

– Бакстер, ты его раньше видел? Ты знаешь Спенсера Крипса?

Жук-носорог кивнул.

– Видите! – обрадовалась Вирджиния. – Все жуки его знают!

Даркус посмотрел на Вирджинию:

– И что это значит?

– Это значит, что надо навестить миссис Крипс и спросить, как она думает, что на самом деле произошло с её сыном. – Вирджиния вскочила на ноги. – У меня предчувствие, что он ещё жив.

– Нет! – ужаснулся Бертольд. – Нельзя прийти к незнакомой женщине и спросить, жив её сын или умер!

– Я всё равно не смогу пойти, – мрачно сказал Даркус. – Папа запретил мне заниматься расследованиями, связанными с Лукрецией Каттэр.

– Но ты же искал статьи о ней! – Вирджиния упёрла руки в бока.

– Да, но это в школьной библиотеке, и вообще, мы делали домашку по истории. – Даркус пожал плечами; ему было неловко. – Здесь безопасно, да и папа не знает, какие именно статьи мы смотрели. А пойти и расспрашивать кого-то о Лукреции Каттэр – это точно нельзя.

– Да ладно тебе! – возразила Вирджиния. – Может быть, Лукреция Каттэр тут вообще ни при чём – тогда ведь можно? А если и при чём... Разве тебе не хочется узнать?

– Конечно, хочется, но мне велено сидеть тихо и ничего не делать. – У Даркуса стал совсем несчастный вид. – Не высовываться.

– Ничего не делать – всё равно что помогать Лукреции Каттэр, – сказала Вирджиния. – А помните про жёлтых божьих коровок? Она следит за нами!

– Да, я помню, – кивнул Даркус. – Папа скажет, что это только лишняя причина сидеть тихо.

– Знаете, что я думаю? – Вирджиния скрестила руки на груди. – Я думаю, вот это, – она показала на заметку в газете, – очень похоже на другие статьи, которые я читала пару месяцев назад, про то, как один учёный исчез из запертого хранилища в Музее естествознания. Полицейские и газетчики думали, что он сбежал или покончил с собой и не хотели начинать расследование. Сидели тихо и ничего не делали.

Брови Даркуса поползли вверх.

– Даркус, что, если и тут то же самое? Как тогда, когда твой папа пропал? Что, если Спенсер Крипс жив, просто его где-то держат? А как же миссис Крипс?

– Но... – Даркус смотрел в пол. – Я обещал папе.

– Мы к «Вершинам» и близко не подойдём. Миссис Крипс живёт в Хакни.

– Откуда ты знаешь? – спросил Бертольд.

– Посмотрела в телефонном справочнике. Улица Элтон-роуд, дом номер двадцать семь. – Вирджиния, улыбаясь, взяла в руки толстую синюю книгу, которая лежала на столе рядом с аппаратом для просмотра микрофильмов. – Даркус, ну не тупи! Твой папа не рассердится, если мы поговорим с несчастной старушкой. Она, может, с Лукрецией Каттэр ни разу в жизни не встречалась.

– Можно попросить у него разрешения, – подал идею Бертольд.

Вирджиния стукнула его по руке:

– Нет, нельзя!

Даркус задумался, перебирая в памяти многочисленные правила, которые установил для него папа, когда вышел из больницы. Строго говоря, ни одно из них он не нарушит.

– Наверное, это и правда не касается Лукреции Каттэр...

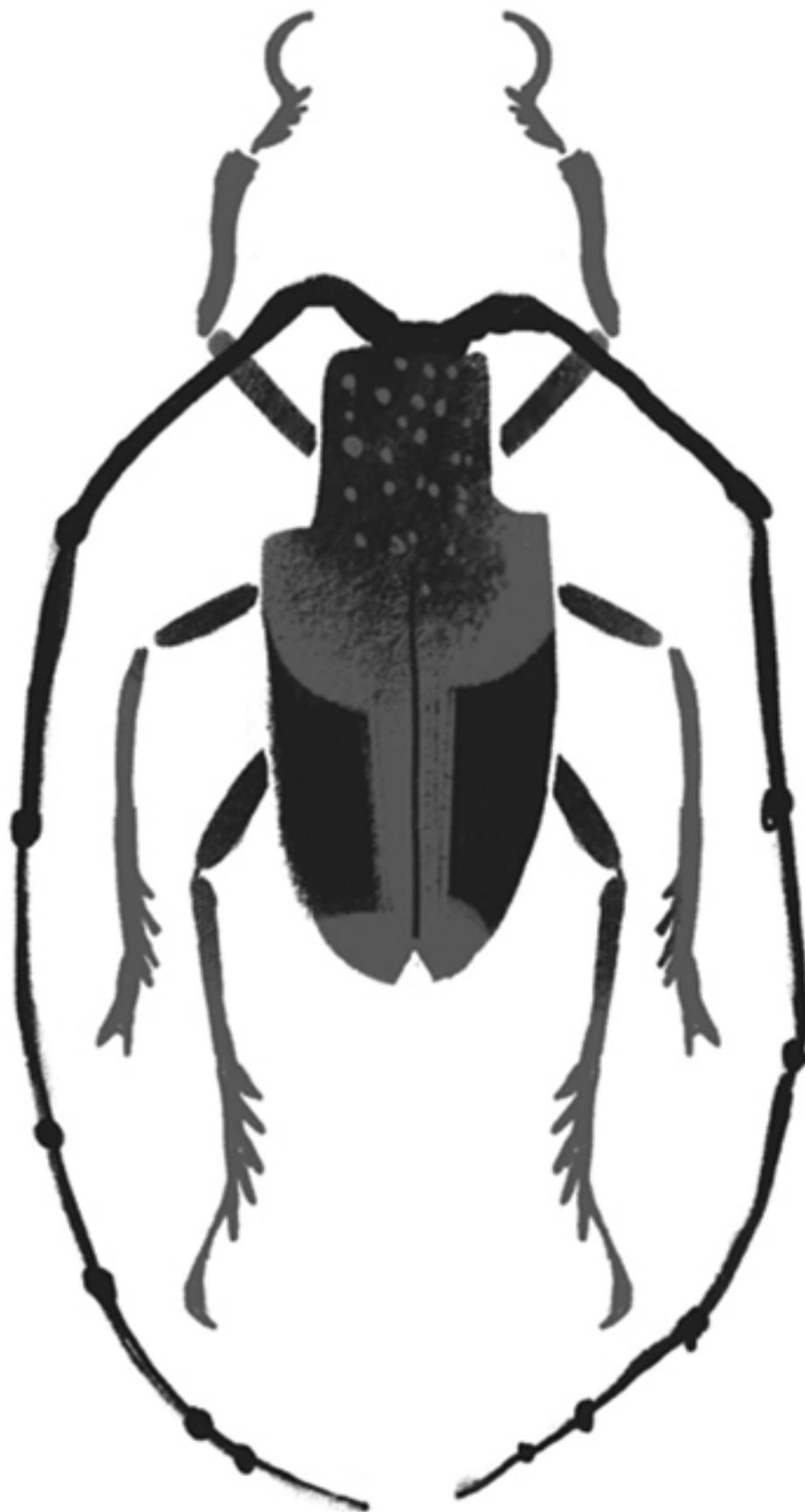
– Может, мы ничего и не обнаружим, – продолжала уговаривать Вирджиния.

– А, да ну его! – Даркус взмахнул руками. – Надоело сидеть и ждать, когда мне расскажут, что творится вокруг. Давайте поедem к ней!

– Да-а! Конечно! – Вирджиния победно вскинула кулак. – Вот прямо сейчас и поедem! Автобус туда идёт минут двадцать.

– Если узнаем что-нибудь важное, – воодушевился Даркус, – расскажем папе и дяде Максу и покажем им жёлтую божью коровку. Тогда папа увидит, что я тоже могу помочь!

8

Шустрик

Дом номер двадцать семь по Элтон-роуд сильно выделялся среди своих соседей, как гнилой чёрный зуб в ряду жемчужно-белых резцов. Растрескавшийся асфальт перед домом зарос одуванчиками. Дорожка перед дверью была сплошь засыпана пакетами от чипсов и конфетными фантиками. Занавески во всех окнах плотно задёрнуты.

– Грустно здесь, – прошептал Бертольд.

– Бакстер, спрячься, – сказал Даркус жуку. – Ты тоже, Марвин, и ты, Ньютон.

Бакстер заполз за ворот зелёного джемпера Даркуса, Ньютон скрылся в пушистых белых волосах Бертольда, а Марвин повис на косичке Вирджинии, словно бусина.

– Пошли!

Вирджиния громко постучала в дверь и вытолкнула вперёд Бертольда. Они заранее так договорились, потому что Бертольд самый примерный на вид и самый нестрашный.

Они ждали долго, но дверь никто не открывал.

– Постучать ещё? – шёпотом спросила Вирджиния.

Но тут раздался щелчок, и дверь чуть-чуть приоткрылась. В щёлочку выглянули глаз, нос и несколько седых кудряшек. Глаз моргнул.

– Да? Кто там?

Вирджиния ткнула Бертольда в спину.

– Здравствуйте, миссис Крипс! Извините за беспокойство, – вежливо начал он. – Меня зовут Бертольд, а это – Вирджиния и Даркус. Мы понимаем, что ведём себя ужасно навязчиво, но скажите, пожалуйста, можно с вами поговорить о Спенсере?

Дверь открылась пошире. Миссис Крипс была миниатюрная, худая, словно усохшая, и сгорбленная не по годам. На ней было чёрное платье, а седые кудряшки торчали во все стороны, как будто их давно не расчёсывали, но лицо было доброе, и, судя по морщинкам у глаз, когда-то давно миссис Крипс часто улыбалась.

Пока Бертольд говорил, брови у неё поднимались всё выше. Бертольд, запинаясь, объяснил, что они – сыщики, что наткнулись в библиотеке на статью о Спенсере, у них сложилось впечатление, что полиция толком не расследовала это дело и – с разрешения миссис Крипс – они хотели бы провести собственное расследование.

– Конечно, если вы не хотите об этом говорить, мы поймём, – добавил Бертольд, быстро-быстро мигая.

– Понимаете, – вступила в разговор Вирджиния, – мы думаем, что ваш сын Спенсер, возможно, ещё жив.

Лицо миссис Крипс просветлело. Она распахнула дверь настежь.

– Вы не представляете, как долго я ждала, когда кто-нибудь скажет эти слова! Входите, входите, молодые люди!

Из квадратной прихожей ребята попали в довольно-таки обшарпанную гостиную. Дальше виднелась кухня в бежевых тонах, пол выстлан пробковой плиткой. В гостиной вдоль всей левой стены тянулась узкая полка – над стареньким электрокамином она ступенькой поднималась выше, а по другую сторону снова опускалась, превращаясь в верхушку книжного шкафа. Полка была вся уставлена фотографиями в рамках. Фотографии стояли также и на столике возле двух кресел, между которыми лежал на полу круглый потёртый ковёр. И на всех фотографиях был Спенсер. Спенсер строит замок из песка, Спенсер в школе, Спенсер на велосипеде. На одном снимке Спенсер, счастливый карапуз с улыбкой до ушей, держится за руку матери. Миссис Крипс, такая молодая, весёлая, очень симпатичная, тоже улыбается. Платье

в цветочек, непослушные кудри карамельного цвета аккуратно заколоты, и только одна непокорная прядка выбилась из причёски и развевается на ветру.

Стоя перед этими снимками в полутёмной комнате, Даркус всей душой почувствовал, как миссис Крипс тоскует о своём дорогом сыне. Вдруг навалилась всей тяжестью его собственная тоска по маме. Даркус не удержался на ногах и плюхнулся в кресло.

– Смотри! – Вирджиния толкнула его локтем, показывая на фотографию на стене, над камином.

Тощий подросток Спенсер в белом лабораторном халате, сунув руки в карманы, восхищённо рассматривает сквозь очки сидящего у него на плече огромного навозного жука.

Даркус ахнул.

Миссис Крипс возилась на кухне, хлопая дверцами шкафчиков. Она налила воды в чайник, поставила на стол фарфоровые чашки.

– Где-то у меня тут было печенье...

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – сказал вошедший в кухню Бертольд. – Мы и без печенья обойдёмся.

– Нет-нет, я настаиваю! Не каждый день ко мне приходят гости, которые хотят поговорить о Спенсере.

Когда чайник закипел, Бертольд взял его и налил кипятка в заварочный чайник.

– Поверьте, мы правда не хотим слишком вас беспокоить.

– Что вы, какое беспокойство! – откликнулась миссис Крипс, роясь в шкафчике. – Мой Спенсер очень любит макать печенье в чай. А, вот! – Она выпрямилась, держа в руке пачку печенья. – Так и знала, что оно у меня есть!

– Давайте, я отнесу, – любезно предложил Бертольд, когда она расставила чашки на пёстром подносике.

В гостиной миссис Крипс придвинула к креслам столик.

– Ставь сюда... Бертольд, правильно? Спасибо!

Хозяйка уселась напротив Даркуса, счастливо вздыхая.

– Уже и не вспомню, когда я в прошлый раз с кем-нибудь разговаривала, кроме почтальона. Ну что ж, говорите, что вы хотели узнать про моего Спенсера?

– Миссис Крипс, я прочитала в газете... – Вирджиния запнулась.

А Даркус со страхом подумал: что она может сейчас ляпнуть?

– Что вы считаете, что Спенсер... Ну, что он, может быть, на самом деле не утонул.

– Конечно, Спенсер никак не мог утонуть! – уверенно ответила миссис Крипс. – Он хорошо плавал, а канал совсем неглубокий.

– А как же обувь и часы? – поинтересовалась Вирджиния.

– Пф! – Миссис Крипс поморщилась, как будто от плохого запаха. – Не знаю, зачем об этом вообще написали в газетах. Полная чушь!

– А как вы думаете, что на самом деле с ним случилось? – спросил Даркус.

– Я знаю только, что Спенсер однажды не пришёл домой после работы, – ответила миссис Крипс. – Ботинки и часы были не его. Может, хозяин тех ботинок и утонул, бедняга. Обувь была одиннадцатого размера, а у моего Спенсера – девятый. Спенсер носит дешёвые кроссовки, а тут – шикарные стильные ботинки. Я об этом сказала полицейским, но разве они станут слушать?

– Не-а, – ответил Даркус. – Наверняка ничего не стали расследовать.

– Я уверена, что Спенсера похитили, – сказала миссис Крипс.

– Почему вы уверены? – спросил Бертольд.

– А как ещё объяснить? Мой Спенсер – весёлый, счастливый мальчик и любящий сын, он бы ни за что не стал так меня пугать! Его где-то держат силой, и он не может мне позвонить. Похитили его, и всё тут.

– А у вас есть какие-нибудь предположения, кто это сделал? – Вирджиния подалась вперёд. – И зачем?

Даркус невольно перевёл взгляд на фотографию Спенсера с навозным жуком, со страхом думая о том, что знает ответ.

– В тот день, когда Спенсер пропал, ещё до того, как явились полицейские, сюда пришла какая-то женщина и забрала Шустрика.

– Шустрика?

Миссис Крипс показала на фотографию на столике.

– У Спенсера был ручной жук-навозник, он его звал Шустриком.

Бертольд покосился на Даркуса, а тот – на Вирджинию. Она кивнула в ответ на их безмолвный вопрос.

– У той женщины была трость и большие тёмные очки? – спросила Вирджиния.

Миссис Крипс покачала головой:

– Нет, это была какая-то азиатка в чёрном костюме и шофёрской фуражке. Она сказала, что Шустрика украли из «Лабораторий Каттэр». Ворвалась в дом, всё тут обшарила и в конце концов нашла Шустрика у Спенсера в комнате. Понимаете, Шустрик всегда спал в старом медном чайнике. Спенсер ему туда насыпал земли и специально поливал. А она схватила бедного Шустрика и унесла – даже разрешения не спросила.

– По-моему, это та девушка, которая водит машину Лукреции Каттэр, – сказал Бертольд, оглянувшись на Даркуса.

– Я рассказала об этом полицейским, но они только посмеялись. Ещё спросили, правда ли, что Спенсер – вор.

– Миссис Крипс! – Даркус наклонился вперёд. – Мы верим каждому вашему слову. – Он чуть-чуть помялся и всё-таки спросил: – Как вы считаете, Шустрик был... умный?

Миссис Крипс сильнее стиснула подлокотники:

– Как ты догадался?

Даркус, Вирджиния и Бертольд переглянулись, а потом все дружно встали.

Бакстер выполз из-за ворота Даркуса. Марвин спрыгнул с косички Вирджинии, а Ньютон засветился и взлетел над головой Бертольда.

– Просто у нас тоже есть такие жуки, – сказал Даркус. – Вот это Бакстер, это – Марвин, а это – Ньютон. И наши жуки тоже понимают людей.

Миссис Крипс даже рот раскрыла, уставившись на жуков.

– Господи, если это правда, – прошептала она, – то вам грозит ужасная опасность!

– Мы знаем. – Даркус кивнул. – Поэтому и просим вас: расскажите нам, пожалуйста, как можно подробнее, что происходило перед тем, как Спенсер исчез. Вдруг поможет.

Миссис Крипс отвела глаза. Плечи у неё бессильно опустились.

– Давайте, я налью всем чаю? – предложил Бертольд и взялся за чайник. – А то перестоятся.

Ньютон кружил над ним и светился, радуясь возможности размяться.

– Больше всего на свете Спенсер хотел стать ветеринаром, – стала рассказывать миссис Крипс, когда Вирджиния и Даркус вернулись на свои места за столом. – Но в школе у него не ладилось. Мальчишки его обижали. Он бросил школу и устроился на работу в фирму по уборке. Работал в вечернюю смену в офисах крупных компаний – пылесосил ковры, протирал письменные столы. Среди этих компаний была фирма «Лаборатории Каттэр» в Уоппинге.

Однажды утром пришёл он домой с работы и говорит, что видел на доске объявлений – приглашают лаборантов обслуживать ферму по разведению жуков. Он так разволновался: наконец-то предоставляется замечательная возможность работать с живыми существами! Подал заявку, и его взяли на эту ферму. Я ужасно им гордилась. А Спенсеру работа очень понравилась. Я никогда не видела его таким счастливым. Лаборатория была в Ист-Энде.

Спенсер каждый день узнавал на работе что-нибудь новое. Рассказывал мне о разновидностях жуков и как он их кормит особым желе, делает записи об их поведении в специальном журнале. Он хорошо работал, и его повысили в должности. Тогда и начались всякие странности. Его заставили подписать документ, в котором он давал слово, что никому не будет рассказывать о своей работе. После этого он не мог мне ничего рассказывать, но я видела: что-то не даёт ему покоя. За ужином он всё время говорил о том, что животные должны жить на воле, в естественной среде обитания, особенно если они умные и понимают, что живут в клетке.

– Накануне того дня, когда он исчез... – Миссис Крипс помолчала немного и продолжила: – Спенсер пришёл с работы страшно взволнованный. Он не хотел объяснять, в чём дело, но меня испугало его состояние, и я не отставала, пока не вытрясла из него ответ. Он сказал: если его поймают, то уволят, но это не слишком дорогая цена за свободу жуков.

– Что он сделал? – спросил Даркус.

Миссис Крипс закусила губу.

– Спенсер вёл наблюдения за особой выборкой жуков под названием «штамм Бартоломью Катла».

Вирджиния схватила Даркуса за локоть.

– Эти жуки были настолько умные, что осознавали всё происходящее. Над ними ставили разные опыты, а Спенсер должен был записывать изменения в их поведении. – Миссис Крипс покачала головой. – У моего сына было большое сердце. Он привязался к жукам, особенно к одному навознику, которого назвал Шустриком. Некоторые опыты были очень жестокими, а Спенсер не мог видеть, как страдают насекомые.

Однажды в лаборатории умер обычный жук-навозник – таких там тоже разводили, как контрольную группу. За ними следили не так внимательно. Мой добрый Спенсер положил мёртвого жука в аквариум Шустрика, а Шустрика вынес из лаборатории в коробке для завтрака. В журнале сын записал, будто бы Шустрик умер. Никто и не заметил, что мёртвый жук не Шустрик. Обычными жуками никто не интересовался. Проходила неделя за неделей. Пропавшего навозника так и не хватились, но другие жуки поняли, что произошло, и стали просить Спенсера, чтобы он их тоже освободил. Ему было их ужасно жаль, и он придумал план. Он тщательно измерил размеры всех жуков и подобрал каждому из них двойника из аквариума с обычными жуками. Однажды он задержался на работе допоздна.

Когда другие сотрудники разошлись по домам, он посадил особенных жуков в коробку из-под торта, на их место пристроил обычных жуков, а тех, в коробке, вынес из лаборатории и выпустил на свободу.

Вирджиния ахнула, глядя на фотографию на стене:

– Какой храбрый!

– Миссис Крипс, – сказал Даркус, – наши жуки – это жуки Спенсера или, может, их потомки. Он совершил настоящий подвиг! Вы могли бы их увидеть! Есть такое замечательное место, называется Чашечная гора, там живут жуки Спенсера, они свободны и счастливы.

– Я бы отдала десять гор счастливых жуков, лишь бы мой сын вернулся... – вздохнула миссис Крипс.

Повисла неловкая пауза.

Потом Бертольд сказал:

– Миссис Крипс, мы его найдём. Вот увидите!

– Значит, Лукреция Катл специально разводит жуков на какой-то ферме, но зачем? – спросила мальчишек Вирджиния по пути на автобусную остановку. – И зачем ей похищать Спенсера Крипса?

– Наверняка папа знает, в чём тут дело, – сказал Даркус. – Интересно, почему жуков называли «штамм Бартоломью Катла»?

– Может быть, она повторяет эксперименты, которые они проводили вместе с твоим папой? – предположила Вирджиния. – Когда работали над проектом «Фабр»?

Даркус сдвинул брови:

– Может быть...

– Надо больше узнать об этом проекте, – произнёс Бертольд.

– Папа мне ни за что не расскажет. – Даркус вздохнул. – А Лукрецию Каттэр не спросишь...

– А Новак? – спросил Бертольд. – В тот раз она тебе помогла.

Даркус нахмурился. Он не виделся с Новак очень давно, с того дня, когда она помогла освободить папу.

– Ей и так из-за нас досталось. Не хочу сделать ещё хуже.

– Что, совсем не к кому больше обратиться? – спросила Вирджиния.

– Вроде не к кому... Погодите! Вот я балда! Конечно, есть! Профессор Эндрю Эпльярд!

9

Энтомофагия

Было пять часов вечера. Уже начало темнеть. Даркус, Вирджиния и Бертольд быстро доехали на семьдесят третьем автобусе до станции метро «Ангел», бегом спустились вниз и вскочили в поезд. На станции «Монумент» пересели с Северной линии на линию «Дистрикт» и вышли в Южном Кенсингтоне, а оттуда прошли пешком. Чуть-чуть не дойдя до Музея естествознания, Даркус наконец остановился перед сипатичным пятиэтажным кирпичным домом, с белыми колоннами по бокам от громадной входной двери и балкончиками с чугунной кованой решёткой под каждым окном.

Даркус позвонил в звонок и, когда прогудел сигнал, толкнул дверь и вошёл в просторный вестибюль с мозаичным полом, как в церкви, и величественной парадной лестницей.

– Шикарное место! – сказала Вирджиния, рассматривая лепнину на потолке. – Этот профессор Эпльярд богатый?

– По-моему, не особенно, – ответил Даркус. – Просто он очень давно здесь поселился – раньше это не было так дорого. Он вообще-то старый. Профессор работал с папой в Музее естествознания до того, как ушёл в отставку.

Поднявшись на самый верх, они увидели, что дверь в квартиру номер пятнадцать открыта. На пороге стоял худой старик в сине-сером одеянии, похожем на пижаму. Он смотрел на детей поверх очков в форме полумесяца, съехавших на самый кончик носа.

– Никак, это сын Бартоломью? – Старик от удивления так высоко поднял брови, что кожа на лбу собралась глубокими складками. – Как ты вырос! Что ты здесь делаешь?

– Здравствуйте, профессор! Нам нужно с вами поговорить, – сказал Даркус. – Это очень важно и срочно.

– Тогда входите, входите. – Профессор провёл детей в квартиру. – Знаете, я был очень рад услышать, что Барти вернулся, а то я уже начал беспокоиться. Нехорошо уезжать в экспедицию, никому ничего не сказав. Всех напугал!

Даркус поморщился. Папа всем говорил про выдуманную им экспедицию, и Даркус поражался, как люди этому верят. Когда папу спрашивали про запертую комнату, он преспокойно отвечал, что вообще туда не заходил, произошла ошибка, а газеты раздули тайну века. Люди понимающе кивали и говорили: «Нельзя верить всему, что пишут в газетах».

– Ты не познакомишь меня с друзьями? – спросил профессор Эпльярд.

– Простите! Это – Вирджиния, это – Бертольд.

– Приятно познакомиться, Вирджиния. – Профессор пожал ей руку. – И с тобой тоже, Бертольд.

– Это честь для меня, профессор!

– Ну, поехали! – хмыкнула Вирджиния.

И Бертольд сейчас же насупился.

– Итак, юный Катл, ты пришёл по поручению отца?

– Вроде того.

Даркус отвлёкся, разглядывая стены прихожей, – они были сложены из стеклянных террариумов. В каждом светилась белая, зелёная или красная лампочка, была насыпана земля, росли какие-то растения и в каждом обитали разные виды беспозвоночных. Даркус заметил сверчков, цикад и разнообразных жуков, в том числе усачей и майских хрущей.

– Ух ты, тарантулы! – Вирджиния прижалась носом к стеклу одного из террариумов. – Розовенькие!

– Да-да! – рассмеялся профессор Эпльярд. – Так, дети, не хотите ли подкрепиться? Я как раз собирался ужинать.

– Умираю с голоду! – ответила Вирджиния.

– Вот и чудненько, но почему бы вам сначала не выпустить своих *халькосома кавказуса*, – он ткнул пальцем Даркусу в грудь, – *лампирида* и *сагра буквети*⁸? – Старик улыбнулся Вирджинии и Бертольду.

Друзья уставились на профессора во все глаза.

– Откуда вы знаете про наших жуков? – спросил Даркус, вытаскивая из-за шиворота Бакстера.

Профессор Эпльярд захлопал в ладоши от восторга, глядя, как жуки приземляются на ладони своих друзей.

– Я всю жизнь наблюдаю за насекомыми. Могу заметить движение усиков в тридцати шагах, хотя, признаться, впервые вижу в качестве среды обитания человеческих детёнышей. *Сагра буквети* был вообще на виду – я его заметил, как только вы вошли. *Лампирид* выглядел у Бертольда из-за уха, а что касается твоего, Даркус, *халькосома кавказуса*, его рог торчал сквозь джемпер. По размеру, форме и цвету рога можно с точностью определить, какого вида жук.

– Его зовут Бакстер, – сказал Даркус.

– На редкость крупный экземпляр. Откуда он у тебя?

Друзья переглянулись.

– Вот как раз об этом мы и хотели поговорить, – ответил Даркус.

– Что ж, надеюсь, вы не будете против – я хотел бы пока поместить ваших друзей вот в этот пустой аквариум – для безопасности.

Профессор поднял крышку аквариума, дно которого было посыпано кусочками коры.

– У меня в доме есть насекомые, которые живут на воле, и среди них попадаются хищники.

Даркус посадил Бакстера в аквариум. Ньютон влетел туда сам, а Марвин заупрямился.

– Отпускай! – Вирджиния потрясла рукой над аквариумом, но блестящий красный жук вцепился намертво. – Да ладно тебе, Марвин! Это же ненадолго.

Марвин нехотя отпустил руку девочки и плюхнулся Бакстеру на спину. Потом задрыгал задней лапкой, словно подгоняя Бакстера.

– Ха, смотрите! – Вирджиния приплюснула нос к стеклу. – Марвин катается верхом на Бакстере!

Марвин помахал ей передними лапками.

– Пока, Мелкий, до скорого!

Профессор Эпльярд нахмурился, внимательно рассматривая жуков.

– Прошу за мной, кухня там.

В кухне пол был паркетный, все шкафчики и разделочный столик располагались вдоль одной стены, так же как и раковина, а посередине стоял низкий прямоугольный деревянный стол и вокруг него лежали разноцветные подушки для сидения. Профессор достал из холодильника две тарелки и поставил на стол.

– Садитесь, пожалуйста! – Спыхватившись, старик взял с полки мисочку с густой тёмно-коричневой жидкостью. – Не забываем ореховый соус!

⁸ *Lampyridae* (лат.) – светляки; *Sagra buqueti* (лат.) – жук-лягушка из семейства листогрызлов.

Все уселись на подушках, скрестив ноги по-турецки. Бертольд насторожённо приглядывался к тарелкам.

– Так о чём вы хотели поговорить? – спросил профессор Эпльярд.

– Э-э... Простите, профессор, это кальмар или осьминог? – ответила вопросом на вопрос Вирджиния. Она потыкала пальцем зажаренные до черноты кусочки на тарелке.

– Ни то ни другое! Это темпура⁹ из тарантулов. Низкое содержание холестерина, высокое содержание протеина и к тому же удивительно вкусно!

– Вы едите пауков?! – с ужасом прошептал Бертольд.

– А это? – выпучила глаза Вирджиния.

– Шашлычки из сверчков, – улыбнулся профессор Эпльярд. – Мои любимые!

– Это и есть ваш ужин? – изумлённо спросил Даркус.

– Да, я увлекаюсь энтомофагией.

– Эн-то-мо-фа-гией? – по слогам переспросил Даркус.

– Энтомофагия – это поедание насекомых, – со смешком пояснил профессор. – Хотя, строго говоря, тарантул относится к арахнидам, то есть паукообразным.

Даркус поморщился.

– Ну что ты, Даркус! Питаться беспозвоночными, по сути, ничуть не более странно, чем животными других видов. Птицы их едят, а ты ешь птиц. В твоём пищеварительном тракте наверняка находятся многие крошечные существа, которых ты проглотил и не заметил.

Даркус уставился на пауков:

– Но они же волосатые...

– Просто нужно их опалить, как курицу, прежде чем готовить.

Профессор Эпльярд раздал детям палочки для еды:

– Хотите попробовать?

Бертольд замотал головой:

– Нет, спасибо.

Вирджиния, принюхиваясь, вытянула шею, почти касаясь носом тарелки.

– Вы правда их едите?

⁹ *Темпура* — блюдо японской кухни. Овощи, рыба, морепродукты, приготовленные в кипящем масле.

Профессор Эплъярд взял палочками обжаренного в тесте тарантула, капнул на него соевый соус из бутылочки, посыпал кайенским перцем и сунул в рот.

Бертольд, пискнув, зажмурился.

Даркус наблюдал за профессором как зачарованный. Он никогда ещё не видел, чтобы кто-нибудь ел паука.

– Не так уж сильно отличается от морепродуктов или темпуры из овощей, – сказал профессор, прожевав и проглотив.

– Но почему?.. – Даркус не знал, как спросить, чтобы не получилось невежливо.

– Это мой личный проект. – Профессор взял шпажку с нанизанными на неё жареными сверчками и обмакнул в арахисовый соус. – Я почти всю свою жизнь был вегетарианцем. Я не ем мяса, потому что не хочу способствовать агрессивному промышленному животноводству, которое развилось из-за массового потребления мяса и наносит вред окружающей среде.

– А я люблю бургеры! – сказала Вирджиния. – И бутерброды с бужениной!

– Да я тоже их люблю, Вирджиния. Они очень вкусные, – улыбнулся профессор, – но людей на Земле становится всё больше, и если даже вырубить все леса, чтобы на освобожденном пространстве разводить скот, через несколько лет мяса всё равно начнёт не хватать на всех.

– Нельзя рубить тропические леса! – расстроился Бертольд.

– Согласен, – кивнул профессор. – Но если людям на планете не хватит мяса, что тогда они будут есть?

– Овощи? – предположила Вирджиния, глядя на тарелку с жареными пауками.

– Если тебе повезло и ты живёшь в благополучной стране, то сможешь покупать достаточно разнообразные овощи, но не везде можно так прокормиться. Однако есть возможность разводить животных с высоким содержанием протеина, не занимающих много места и потребляющих совсем немного корма.

– Мясо насекомых? – догадался Даркус, хотя он впервые слышал, чтобы насекомых разводили на мясо.

– Протеин насекомых, – уточнил профессор, снял зубами сверчка со шпажки и начал бодро жевать. – У нас на Западе странное отношение к насекомым. Нам и в голову не приходит их есть, но в один прекрасный день у нас может просто не остаться выбора. Хотя в некоторых роскошных ресторанах из насекомых давно готовят самые дорогие блюда.

– Неправда! – фыркнула Вирджиния.

– Правда! В Дании есть чудесный ресторан, где подают муравьёв со вкусом мяты.

– Так все эти аквариумы в прихожей?.. – Даркус, догадавшись, оглянулся через плечо.

– Моя миниатюрная ферма насекомых. Я сам выращиваю себе еду. Люблю, чтобы она была как можно более свежей. Насекомых я убиваю гуманным способом – замораживаю. Все мои насекомые предназначены в пищу – кроме тех, что в комнате для медитаций. Хочу ещё написать кулинарную книгу о насекомых, – с гордостью прибавил профессор. – Сейчас я на пенсии, есть время заняться этим всерьёз.

– Кулинарную книгу о насекомых никто не купит! – заявила Вирджиния.

– Я стараюсь придумывать такие оригинальные рецепты, чтобы получалось вкусно. – Профессор Эплъярд вежливо улыбнулся Вирджинии. – Вы мне очень поможете, если попробуете и скажете своё мнение.

– Ага, Даркус, попробуй! – У Вирджинии глаза загорелись.

– Сама попробуй, – парировал Даркус.

– Попробую, если ты попробуешь первым, – с вызовом ответила Вирджиния.

– Паука или сверчка? – спросил Даркус.

– Паука.

– Мне же необязательно есть? – прошептал позеленевший Бертольд.

– Ты должна съесть его целиком и проглотить! – сказал Вирджинии Даркус, беря с тарелки самого маленького паучка.

– Договорились!

Вирджиния взяла двумя пальцами поджаристого арахнида.

Они уставились друг на друга и одновременно приступили к делу.

Даркус затолкал паука в рот целиком и попробовал замычать, якобы от удовольствия, но получилось больше похоже на стон. Вирджиния мужественно откусила одну лапку, изо всех сил скрывая, как ей противно. Бертольд захихикал, обеими руками зажимая себе рот. Даркус постарался освободить свой разум от посторонних мыслей и сосредоточиться на вкусе, но всё время невольно представлял жирного мохнатого паука у себя во рту.

Профессор Эпльярд подался вперёд:

– Ну как? Чувствуется привкус орехов?

Бертольд чуть не лопнул со смеху, глядя, как Даркус и Вирджиния отчаянно жуют и с трудом глотают.

– Не такая уж и гадость, – сказал наконец Даркус, скривившись.

Вирджиния держала половинку паука подальше от себя, как будто что-то жутко вонючее.

– Прекрати ржать, не то я тебе его сама скормлю!

Она вдруг ткнула пауком в Бертольда, и тот от неожиданности взвизгнул.

– Ну зачем поднимать столько шума? Они на самом деле не так плохи на вкус. – Профессор палочками подцепил ещё одного тарантула, поперчил и сунул в рот. – Возможно, вам надо было обмакнуть свои порции в ореховый соус.

– Возможно, – ответил Даркус, на самом деле сомневаясь, что с соусом паук станет съедобнее.

– Подумайте вот о чём, – сказал профессор, – гамбургер вы едите спокойно, так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.